

F $\frac{56}{284}$

56
204
ПО ПОВОДУ ЛЖЕУЧЕНІЯ ГРАФА ТОЛСТОГО.

О

БОЖЕСТВЪ

ГОСПОДА НАШЕГО ІСУСА ХРИСТА

И

О СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНІЯ.

э.-о. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМИ,

СВЯЩ. **Е.** АКВИЛОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.

1901.

О
О
БОЖЕСТВѢ ГОСПОДА НАШЕГО
И
ИСУСА ХРИСТА
И
О СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНІЯ.

Друж. Б. Аксенова

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКОЕ

САМООПРАВДАНІЕ ХРИСТИАНСТВА.

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА.

О

БОЖЕСТВѢ ГОСПОДА НАШЕГО

ИСУСА ХРИСТА

И

О СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНІЯ.

Э.-О. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМИИ,

СВЯЩ. **Е. АКВИЛОНОВА.**

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Тельжная ул. д. № 5.

1901.

О

БОЖЕСТВЪ ГОСПОДА НАШЕГО

ИСУСА ХРИСТА

И

О СРЕДСТВАХЪ НАШЕГО СПАСЕНІЯ.

Э.-О. ПРОФ. СПБ. Д. АКАДЕМІИ,

Свящ. Е. Аквилонова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.

1901.

Извлечено изъ дух. журнала «Христіан. Чтенія» за 1901 г.

2007041627

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Божествѣ Господа нашего І. Христа и о средствахъ нашего спасенія.

Богословскія размышленія по поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О значеніи личности для возникновенія и распространенія религіи. —
Служебное положеніе въ послѣдней учительнаго момента.

 ВЛА и слова и вся вообще человѣческая жизнедѣятельность имѣютъ таинственную почву, на которой они произрастаютъ и отъ которой получаютъ свой опредѣленный характеръ. Когда двое дѣлаютъ одно и тоже, то выходитъ уже не одно и тоже, и когда двое говорятъ одинаковыя рѣчи, то онѣ производятъ различное впечатлѣніе. Сокровенная сущность каждаго человѣка рѣшительно, хотя и незамѣтно, господствуетъ надъ ея внѣшнимъ проявленіемъ. Она свѣтится во взорѣ, слышится въ голосѣ, обнаруживается въ тѣлесныхъ формахъ, опредѣляетъ собою цѣлый образъ человѣческой жизни и дѣятельности, окружаетъ его свѣтлымъ ореоломъ или окутываетъ мракомъ. Этою сущностью производятся тѣ непостижимыя симпатіи и антипатіи, которыя для поведенія большинства людей имѣютъ болѣе рѣшительное значеніе, чѣмъ всякія разсудочныя соображенія. Часто мы сами обманываемъ себя, воображая, что даемъ отвѣтъ на слово, между тѣмъ какъ онъ относится къ цѣлой личности. По нашему представленію мы обсуждаемъ отдѣльный поступокъ, тогда какъ въ дѣйствительности то, чѣмъ безсознательно для насъ самихъ вызывается наше сужденіе, есть

наше внутреннее настроеніе по отношенію къ лицу, совершившему извѣстное дѣло. Тотъ же самый поступокъ, будь онъ совершенъ другимъ человѣкомъ, или тѣмъ же самымъ, но только въ другое время, мы оцѣнили бы совсѣмъ иначе, — и совершенно справедливо. Ибо во всѣхъ жизнеобнаруженіяхъ рѣшающее значеніе принадлежитъ самой жизни. Если же кто-либо захотѣлъ бы абстрагировать отъ нея, имѣлъ бы предъ собою только безжизненный фантомъ.

Эта, образующая личность человѣка, основа его сущности имѣетъ свой корень отнюдь не въ однихъ условіяхъ нашего земного бытія. Допустить противное, повидимому, мы вынуждаемся тѣмъ соображеніемъ, что прошлое человѣка обыкновенно сказывается въ цѣломъ его жизневыраженіи. Предпріятія выдающихся людей получаютъ значительную долю вѣса благодаря тѣмъ отличіямъ, какія раньше снискали эти люди. Если кто прежде разсуждалъ умно, то и менѣе содержательное, на чтѣ—будь оно сказано другимъ—не обратили бы вниманія, обсуждается на всевозможные лады, и всѣ подозрѣваютъ подъ нимъ глубокой смыслъ. При болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло окажется, что и во всѣхъ раннѣйшихъ выраженіяхъ обнаруживалось тоже качество; только впечатлѣніе, производимое послѣднимъ, усиливалось отъ множества побочных обстоятельствъ, а самое качество несомнѣнно предшествовало всѣмъ имъ. Даже поверхностный наблюдатель за малыми дѣтьми не можетъ не замѣтить исключительную своеобразность, проявляющуюся во всѣхъ ихъ занятіяхъ и забавахъ. Эта врожденная своеобразность можетъ впоследствии прикрыться до неузнаваемости различными личинами, но она никогда не исчезнетъ совершенно, и подчасъ черезъ толщу покрововъ прорывается съ юношеской силой, потому что представляетъ собою неистребимую сущность самого человѣка. Не поможетъ въ отысканіи родословія этой своеобразности также и ссылка на предковъ, такъ называемый атавизмъ. Какъ ни удивительно бываетъ сходство съ ними потомковъ, какъ ни много отдѣльныхъ чертъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, какъ ни справедливо положеніе, что національный типъ впечатлѣвается на каждомъ индивидуумѣ, — однако же это только одинъ матеріаль, изъ котораго новая жизненная клеточка образуетъ свою новую форму. Личность не есть продуктъ изъ факторовъ прошлаго. Она есть нѣчто *новое* и притомъ совершенно *оригинальное*. Ея происхожденіе лежитъ за

предѣлами земныхъ сферъ, для которыхъ только и имѣютъ значеніе наши категоріи, а потому и оказывается не постижимой для человѣческаго разума. Противорѣчія мысли являются въ ней примиренными. Она есть нѣчто совершенно особое, и однако же въ каждомъ отдѣльномъ явленіи вмѣстѣ съ нею обнаруживается всеобщая и вѣчная основа всякой жизни. Необходимою является она въ своемъ рожденіи и развитіи, и однако же нигдѣ еще, какъ только въ ней, не обитаетъ свобода. Такъ воистину она божественна по своему происхожденію и возникаетъ непосредственно изъ глубочайшихъ источниковъ жизни. Въ ней покоится истинное благородство и вѣчное назначеніе человѣческаго рода.

О, если бы во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и дѣлахъ теплился этотъ небесный огонь! Какъ возвышаетъ и въ тоже время смиряетъ человѣка сознаніе—быть вмѣстилищемъ еще нигдѣ, какъ только въ немъ, осуществленной мысли Божіей; но зато какъ же и могущественно это сознаніе обязываетъ его не искалѣчивать и не суживать эту мысль по своей собственной винѣ! Въ виду такого обязательства, кто можетъ безъ чувства глубокаго стыда помыслить о своей личной жизни? Гдѣ находятся тѣ, которые смотрятъ своими глазами и чувствуютъ собственнымъ сердцемъ? Которые ясно говорятъ то, что думаютъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ только искреннему убѣжденію? Вѣдь мы такъ привыкли къ заученнымъ фразамъ, къ бессмысленному сотрудничеству за спиною другихъ, къ ложной умѣренности нивелированныхъ ощущеній, что невольно изумляемся, когда среди обыденныхъ людей вдругъ, встрѣтимся съ незаурядной личностью. А, между тѣмъ, духомъ личности должно оживляться каждое наше дѣло и слово, включительно до сокровеннѣйшихъ помысленій. Въ произведеніяхъ искусства непремѣнно бьется сердце художника. Равно и наука лишь при томъ условіи приближается къ желанной объективности, если ученый напередъ ясно рассмотреть своими глазами предметъ своего изслѣдованія, а потомъ уже точно покажетъ и другимъ, какъ въ *его* духѣ отражаются извѣстныя состоянія и явленія. Не иначе и въ политикѣ,—обсужденіе поставленнаго вопроса—какъ обыкновенно говорятъ—съ предметныхъ или дѣловыхъ точекъ зрѣнія есть въ сущности заблужденіе. Точки зрѣнія никогда не бываютъ предметными, но всегда личными, и собственно рѣшающее значеніе при обсужденіи вопросовъ принадлежитъ внутренней, подчасъ несознаваемой

самою личностью, основной ея тенденціи. На этомъ одномъ покоится также и право сплоченныхъ политическихъ партій. Общественныя отношенія получаютъ значеніе не отъ содержанія рѣчей, но оттого, что встрѣчаются другъ съ другомъ различныя личности, которыя другъ друга ищутъ или одна избѣгаетъ другую. Также и въ семейной жизни благоденствіе и злополучіе происходятъ оттого, чѣмъ *являются* сами по себѣ члены семьи, ибо это именно нѣчто обнаруживается непосредственно во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, нестѣсняемыхъ, какъ въ другихъ областяхъ жизни, какими-нибудь особыми соображеніями или принудительнымъ формализмомъ.

Такимъ образомъ, дѣйствія распространяются отъ центра по всей периферіи жизни. Они проникаютъ, перерабатываютъ, одухотворяютъ хрупкій земной матеріалъ. Но чѣмъ ближе къ окружности, тѣмъ они становятся слабѣе. Въ расположеніи чиселъ, въ чисто механическомъ трудѣ, довольно мудро замѣтить что-либо относящееся исключительно къ личности. Къ ея дѣйствию присоединяется нѣчто другое и, притомъ, болѣе важное, что во всякомъ нравственномъ дѣйствии, хотя бы послѣднее и опредѣлялось личностью, заставляетъ, однако, ее отступить на задній планъ. Она производитъ дѣйствія, но послѣднія получаютъ относительно самостоятельное бытіе. Она обрабатываетъ безличный матеріалъ, но не уничтожаетъ его. Она обитаетъ въ немъ, но вмѣстѣ и скрывается за нимъ.

Наоборотъ, есть такая область, гдѣ творческая сила личности проявляется не во внѣшней для нея сферѣ, но дѣйствуетъ въ интересахъ собственнаго возрастанія и совершенства. Это—религіозная область. Если въ личности находится таинственная точка соприкосновенія человѣческой жизни съ божественною, то ясно, что еще нигдѣ, какъ только здѣсь, можетъ находиться и колыбель религіи.

Религіознымъ называется такой человѣкъ, чувство и сознаніе котораго всецѣло проникнуто подчиненіемъ его жизни Божьей волѣ. Созерцаетъ ли онъ разнообразныя земныя предметы, онъ одновременно думаетъ объ ихъ высочайшемъ основаніи. Совершаетъ ли какой нравственный подвигъ, — для него менѣе важно достигнутое, чѣмъ личная душа добродѣланія. Также и отдѣльныя происшествія собственной жизни для него не представляютъ такой важности, какъ божественное происхожденіе самой жизни, какъ дѣйствіе единого Духа Божія, ощущаемаго на всѣхъ путяхъ ея, и какъ завершительная

цѣль, къ которой все стремится, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Сохранить въ силѣ и чистотѣ святое пламя вѣры, — таково желаніе религіознаго человѣка. Если внутри человѣка горитъ это пламя, то навѣрно оно будетъ пробиваться и наружу и будетъ согрѣвать и просвѣщать со всѣхъ сторонъ человѣческую жизнедѣятельность. Часто и не думаетъ человѣкъ о томъ, происходитъ ли и въ какой, именно, формѣ происходитъ это вынаруженіе религіозной жизни, такъ какъ всецѣло поглощенъ заботой — поддержанія и возгрѣванія ея на внутреннемъ очагѣ своего сердца. Почти отрѣшившійся отъ текущихъ событій внѣшней жизни и обратившій умственный взоръ внутрь себя, религіозный человѣкъ можетъ являться подчасъ чуждымъ не только для людей вѣка сего, но и для такихъ почтенныхъ дѣятелей, жизненною цѣлью которыхъ служить — покорить посредствомъ нравственнаго подвига чувственный міръ на служеніе духу. И вотъ иногда мгновенно мечтатель дѣлается героемъ, превосходящимъ всѣхъ другихъ. Не только больше жертвъ можетъ принести онъ по сравненію съ ними, не только болѣе мужественно претерпѣть ужаснѣйшія страданія, но онъ можетъ подчасъ даже потрясти цѣлый міръ, ибо нашелъ для себя твердую опору за предѣлами міра. Въ такихъ религіозныхъ *людяхъ* обитаетъ религія, — обитаетъ не въ ученіи только и не въ знаніи, не въ однихъ подвигахъ и дѣйствіяхъ но въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ самой личности. Если бы религія не находилась и тамъ, то ея не было бы нигдѣ на свѣтѣ. Неопытные, къ сожалѣнію, могутъ быть введены въ обманъ ловко надѣтою личиною святыхъ словъ и дѣлъ, да къ тому же люди и сами часто взвѣшиваютъ благочестіе точно по мѣрѣ тяжести. Но поистинѣ религіозною является только имѣющая свою опору въ Богѣ самая личность и то, что отъ нея исходитъ, подобно свѣтовымъ лучамъ.

Какъ же распространяется религія? Несомнѣнно, она распространяется и посредствомъ ученія, но становится дѣйственною только тогда, когда личность учителя проникнута сознаніемъ истинности преподаваемаго ученія, и когда послѣднее служить выраженіемъ его внутренней жизни. Несравненно меньше, чѣмъ какое угодно другое, религіозное ученіе мирится съ передачей его остывшимъ сердцемъ и, такъ сказать, въ охлажденномъ состояніи. Пусть поразмыслить объ этомъ каждый, облакающійся въ учительскую тогу и — неимѣющій внутренняго

расположенія къ проповѣдуемому ученію! Напрасно воображалъ бы таковой, будто можно учить религіи. Хотя бы онъ самымъ основательнымъ образомъ усвоилъ содержаніе хр. ученія и хотя бы излагалъ его съ мастерствомъ первокласснаго оратора, при всемъ томъ, онъ принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы. Конечно, было бы несправедливостью совершенно отрицать то, что и посредствомъ одного ученія тамъ и здѣсь, особенно въ воспріимчивыхъ сердцахъ, можетъ воспламениться искра жизни или накопиться такой матеріалъ, который при благоприятныхъ обстоятельствахъ разгорится яркимъ пламенемъ. Но, все-таки, больше получится вреда, чѣмъ пользы. Очень многіе прозелиты заразятся религіознымъ равнодушіемъ своего учителя, и тѣ, которые сильнѣе другихъ алкали и жаждали Божьей правды, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся отъ такого ученія, которое, предстало ихъ умственному взору въ видѣ бездыханнаго трупа. На свѣтѣ еще мало бываетъ такихъ чистыхъ радостей, какъ если проповѣдникъ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ пламенѣющимъ сердцемъ говорить о божественныхъ дѣлахъ и замѣчаетъ, какъ, благодаря личному соприкосновенію душъ, пробуждается въ слушателяхъ божественная жизнь, и какъ въ ихъ взорахъ свѣтится небесная радость. Съ другой стороны, нѣтъ еще болѣе горестнаго состоянія по сравненію съ тѣмъ, какое испытываетъ учитель-наемникъ, слова котораго находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ его убѣжденіемъ и жизнью!

Если же въ дѣлѣ религіозной проповѣди рѣшительное значеніе принадлежитъ личному соприкосновенію, то и ученіе, какимъ бы жизненнымъ ни было оно, представляетъ собою только одинъ изъ многихъ покрововъ, подъ прикрытіемъ которыхъ распространяется религія. Ибо разнообразными способами жизнь возгорается отъ жизни, и на человѣческомъ языкѣ еще нѣтъ словъ для выраженія сокрытыхъ даже отъ самыхъ проницательныхъ умовъ первыхъ моментовъ воспламененія послѣдней. «Нисходилъ ли ты во глубину моря и входилъ ли въ изслѣдованіе бездны?», читается въ кн. Іова. «Обозрѣлъ ли ты широту земли? Объясни, если знаешь, все это. Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы? По какому пути разливается свѣтъ и разносится восточный вѣтеръ по землѣ? Кто проводитъ протоки для изліанія воды и путь для громоносной молніи, чтобы возбуждать травныя зародыши къ возрастанію?» Такъ и въ данномъ

случаѣ можно спросить иного: знаешь ли ты сокровенные пути, по которымъ религія благочестивой матери изливается въ сердца ея малютокъ? Вѣдомо ли тебѣ, какъ она учитъ своихъ дѣтей вѣрѣ въ Бога, благодарности къ Нему и безропотной преданности Его волѣ? Однѣ ли молитвы или священныя исторіи произвели на свѣтъ эту дѣтскую вѣру? Да, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, что *эта* именно мать сообщаетъ божественное наставленіе именно *этимъ* дѣтямъ, ибо она влагаетъ въ дѣло воспитанія все свое сердце и всю свою жизнь оправдываетъ истинность преподаваемаго. Здѣсь уже никакъ не одни слова. Вѣрность, съ какою она оберегаетъ младенческую колыбель, материнскія заботы у одра больныхъ дѣтей, ея невыразимая радость объ ихъ преуспѣяніи, вся эта внутренняя жизнь, въ которой нѣтъ ничего дѣланнаго, но во всемъ видна искренность, посредствомъ тысячи незримыхъ каналовъ устремляется въ дѣтскія сердца и пробуждаетъ въ нихъ такое же настроеніе. Гдѣ дала ростокъ истинная жизнь, тамъ она не остается въ бездѣйствіи. Безчисленное множество мужей, невѣровавшихъ Евангелію, «житіемъ женъ своихъ безъ слова приобрѣтаемы были» 1 Петр. III, 1. Окрѣпнувшее религіозное настроеніе привлекаетъ къ себѣ не только случайно собравшихся и внемлющихъ ему, но и будущія поколѣнія, силою истины препобѣждая упорное сопротивленіе. Не одно христіанское ученіе сдѣлало изъ фанатическаго Савла первоверховнаго апостола. Но, когда онъ созерцалъ мученическую кончину Стефана, когда онъ слышалъ его предсмертное моленіе къ Господу Иисусу, тогда, быть можетъ, впервые зацала въ его душу искра христіанской вѣры. Она пока тлѣла, и Савль никакими усиліями не могъ погасить ее; но затѣмъ возгорѣлась яркимъ пламенемъ, благодаря личному соприкосновенію гонителя съ Тѣмъ, Которому и Стефанъ былъ обязанъ своей благочестивой жизнью. Въ свою очередь и духъ Павла многихъ возродилъ къ истинной жизни. Такъ отъ одного христіанина свѣтъ вѣры переходитъ къ другому.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О божествѣ Христа Спасителя и о вѣрѣ въ Него.

Исключая Богочеловѣка—Христа, у всѣхъ религіозныхъ дѣятелей мы находимъ недостатокъ нравственной силы, душевной гармоніи и житейской чистоты. Этотъ недостатокъ мы оплакиваемъ и въ себѣ самихъ. По мучительному опыту всякій знаетъ, какъ рѣдки тѣ великія мгновенія, въ которыя мы чувствуемъ себя свободными отъ себялюбивыхъ и чувственныхъ пожеланій, когда въ насъ свободно носится дыханіе Духа Божія,—тѣ мгновенія, которыя поднимаютъ насъ такъ высоко надъ соблазнами вѣка, и въ которые мы впервые обрѣтаемъ насъ же самихъ. Они являются подобно небеснымъ посланникамъ, но удержать ихъ не удается намъ. Мы видимъ только ихъ свѣтлые слѣды и опускаемся опять въ земную тьму, побораемся новыми сомнѣніями, становимся жертвою страстей и подчасъ впадаемъ въ отчаяніе отъ мучительныхъ заботъ. Мы бываемъ далеки отъ того, чтобы отвергать божественную истину, но эта истина не является въ насъ жизнью. И вотъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми лицами, отъ которыхъ получается впечатлѣніе, что ихъ душа глубже и крѣпче коренится въ Богѣ. Но именно самыя лучшія изъ нихъ испытываютъ, подобно намъ, тяжкое состояніе духовной неудовлетворенности. Чѣмъ пристальнѣе они всматриваются въ чудную перспективу нравственнаго усовершенствованія и чѣмъ больше восторгаются желанною цѣлью благородныхъ стремленій, тѣмъ сильнѣе даетъ имъ знать о себѣ дальность разстоянія ихъ отъ идеала. Повсюду эгоистическое прилѣпленіе къ земному и расслабляетъ человѣка. Даже и въ герояхъ вѣры подчасъ наблюдается оно. Наоборотъ, въ совершенно исключительномъ положеніи находится Христосъ Спаситель.

Происходящая изъ премірныхъ нѣдръ въ Немъ течеть чистѣйшая божественная жизнь. Она проникаеть каждое дѣло и слово, обнаруживается въ каждомъ движеніи сердца и составляетъ, такъ сказать, самое дыханіе Его богочеловѣческой жизни. Земная жизнь, обыкновенно омрачающая и скрывающая божественную, въ Немъ является какъ бы прозрачнымъ сосудомъ, приѣмлющимъ въ себя свѣтлыя струи небесной жизни, удобозримыя даже и смертными очами. Повсюду здѣсь близость Бога и миръ Божій. вмѣстѣ святость и любовь, могущество и спокойствіе. Подъ временнымъ покровомъ вѣчное содержаніе. Есть ли это человѣческая жизнь, или это жизнь божественная? Кто можетъ отдѣлить одну отъ другой, когда онѣ составляютъ единство? Ибо всякая истинная жизнь есть непременно божественная. Внѣ Бога только смерть. Если изъ другихъ источниковъ повсюду изливаются въ человѣческую жизнь только мутныя воды смерти, то почему же не должна гдѣ-нибудь для исцѣленія всѣхъ протекать также и чистая вода жизни? Почему среди колеблющихся не долженъ находиться одинъ не колеблющійся, среди слѣпцовъ—одинъ видящій? Почему между столь многими, ведущими на небо, ступеньками не должна быть одна высочайшая ступень непосредственно при вратахъ Отчаго дома, между безчисленными приближеніями къ центру такая точка, которая совпадаетъ съ самымъ центромъ? Почему же нѣтъ, если того хочетъ Богъ? И почему такимъ жизненнымъ центромъ не долженъ быть Христосъ Спаситель? Безчисленное множество спасенныхъ доказываетъ, что въ Немъ они обрѣли жизнь. Мучимый жаждою находить только у Него чистое питіе, и жажда утоляется. Возжадавшая Бога человѣческая душа, не получившая удовлетворенія своимъ запросамъ даже и отъ самыхъ благочестивыхъ и самыхъ мудрыхъ изъ земнородныхъ, все еще жаждущая, находить Христа, а въ Немъ и свое успокоеніе. Здѣсь обрѣтаетъ она Самого Бога, и Онъ утоляетъ ея жажду. На то и родился Спаситель, чтобы мы имѣли жизнь и всѣ средства къ ея достиженію. Кто самъ на себѣ испыталъ животворное дѣйствіе Божественной благодати, тотъ уже не спрашиваетъ о томъ, возможно ли и какъ, именно, оно возможно, ибо наличность факта есть наиболѣе убѣдительное доказательство его возможности. Предъ чудеснымъ удовлетвореніемъ всѣмъ высочайшимъ запросамъ жизни и духа исчезаетъ всякое умничающее сомнѣніе, какъ туманъ при солнечномъ восходѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе вѣры во Христа для человѣческаго спасенія и для жизни.

Вѣра во Христа есть созерцаніе Его духомъ и успокоеніе въ Немъ сердца, каковыми состояніями производятся величайшія дѣйствія въ области воли и всей человѣческой жизни. Подобно тому, какъ начинающій учиться какому-либо искусству и видящій впервые мастерское произведеніе своего учителя, чувствуетъ себя совершенно разбитымъ въ прежнемъ мнѣніи о себѣ самомъ, а вмѣстѣ какъ бы и приподнятымъ надъ собою и одушевленнымъ къ подражанію,—такъ въ несравненно еще большей степени каждый, въ душѣ котораго подъ терніемъ земныхъ заботъ и страстей еще не совсѣмъ заглохло стремленіе къ высочайшей цѣли жизни, чувствуетъ себя всецѣло плѣненнымъ божественнымъ Лицомъ Христа, какъ только Оно предстанетъ во всей красѣ его духовному взору. Но вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не о какомъ-нибудь искусствѣ, объ истинной жизни, объ ея цѣнности и цѣли, о гибели ея или о вѣчномъ продолженіи. Впечатлѣніе, получаемое отъ этого безусловнаго послушанія Богу, отъ этого Сыновняго отношенія и преданности небесному Отцу, отъ этой, свѣтлѣющей и во тьмѣ истины, отъ этой, исполненной самоотверженія и любви къ людямъ, причинявшимъ Ему много жесточайшихъ страданій,—впечатлѣніе настолько сильно, что въ насъ рождается твердая увѣренность въ Божіей любви къ грѣшному человѣчеству, въ любви ко всѣмъ и къ каждому. Въ то же время, подобно жалкой личинѣ, отпадаетъ отъ насъ дотолѣ самоулаждавшее нашъ эгоизмъ чувство своего мнимаго достоинства, такъ что, посрамленные своимъ убожествомъ и ничетою, униженные созерцаніемъ необъятной пропасти, отдѣляющей наше дѣйствительное положеніе отъ того, въ

какомъ намъ должно находиться, мы въ прахѣ и пеплѣ повергаемся ницъ. Съ другой же стороны, мы смиряемся отнюдь не отъ дѣйствія строго-непреступной святости Христовой, но дивнымъ устроениемъ, — котораго невозможно изслѣдовать умомъ, а можно постигнуть только цѣлымъ процессомъ душевнаго переживанія, — по которому со святостью нераздѣльно соединена любовь, такъ что опять становимся на ноги, поддерживаемые крѣпкою десницею Спасителя, которою Онъ Самъ вводитъ насъ въ сферу Своей святой жизни. Правда, еще очень многого недостаетъ намъ для того, чтобы безошибочно идти по стопамъ Христовымъ и возрастить въ своей душѣ Его мысли и чувства, но въ *принципъ* мы уже сдѣлались участниками новой жизни. Въ насъ уже насаждено зерно этой жизни и оно въ Свое время даетъ ростокъ, потому что Самъ Христосъ напояетъ свое насаждение и ухаживаетъ за нимъ; не убоится оно житейскихъ тревоженій, а еще болѣе окрѣпнетъ съ течениемъ времени: тогда какъ наша грѣховная природа, хотя подчасъ и очень бурно предъявляющая намъ свои мнимыя права на нашу жизнь, отселѣ становится растениемъ съ прогнившимъ корнемъ. Здѣсь выступаетъ въ своей поразительной силѣ тайна духовнаго жизнеобщенія. Гдѣ двѣ души любовью слились во едину, тамъ каждая выходитъ изъ себя самой и живетъ въ другой, смотритъ ея очами, думаетъ ея мыслями, устремляется по влеченію ея желаній. Такъ, вѣрующая душа воспринимаетъ чувствованія Христовы въ самое средоточіе своей жизни, и, какъ бы ни падалъ низко возрожденный человекъ, все-таки, пока еще въ немъ не исчезла нелицемѣрная любовь къ Христу, онъ можетъ дерзновенно сказать: то, ветхое, не относится къ моему существу, оно только приражается къ нему, въ дѣйствительности же теперь уже не я болѣе живу, но Христосъ живетъ во мнѣ. Все обновилось во мнѣ, поелику Онъ сдѣлался жизнью моей жизни; и, хотя новая жизнь медлительно пробиваетъ себѣ русло чрезъ груды всякаго мусора и нечистоты, однако она имѣетъ предъ собою свѣтлую перспективу, а въ себѣ носитъ залогъ вѣчности. Такъ вѣра даруетъ блаженство христіанину. На первыхъ порахъ своего духовнаго роста она не требуетъ непремѣнно принятія выработанной во всѣхъ частностяхъ системы, научно-діалектическаго постиженія божественныхъ истинъ и облеченія ихъ въ формально-логическія оболочки. Ея отечество — сердце, которымъ «вѣруется въ правду», въ

которомъ обитають любовь и надежда, и гдѣ перекрещиваются тысячи смѣняющихся чувствованій. Тамъ же происходитъ борьба, изъ сердца изгоняется всякая скверна, въ немъ возгорается новая жизнь, воспламеняется свѣтъ, гдѣ передъ тѣмъ была тьма, и водворяется добрый порядокъ вмѣсто прежняго хаоса. Какая премудрость и вмѣстѣ какая простота въ этой, дарующей человѣку блаженство, вѣрѣ! Иначе и быть не можетъ, потому что вѣра не есть привиллегія только однихъ знатныхъ вѣка сего, но всеобщее достояніе, доступное всякому простецу включительно до руконосимаго младенца. Слѣдовательно, колыбель вѣры должна находиться въ потаенныхъ нѣдрахъ человѣческаго духа. Такъ проста вѣра и однако столь рѣшительна, такъ настойчива въ достиженіи самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей, ежедневно творящая и, подобно свѣту, озаряющая новый міръ. Она всегда по существу одна и таже, но человѣческій опытъ и переживаніе не одни и тѣже, а потому въ вѣрѣ нѣтъ ничего монотоннаго, и она никогда не старѣетъ, ибо вѣрующій переживаетъ всякое испытаніе, а равно и пользуется имъ совершенно иначе по сравненію съ невѣрующимъ. Какъ и что будешь ты говорить въ данномъ положеніи? Съ какимъ чувствомъ перенесешь страшный ударъ судьбы? Какъ встрѣтишься съ этимъ недоброжелателемъ? Съ какимъ настроеніемъ завтра и потомъ подымеешь на себя тяжкій яремъ своихъ обязанностей? Какое неизмѣримое получается различіе, даетъ ли отвѣтъ на эти вопросы повинующійся своимъ естественнымъ влеченіямъ человѣкъ, или другой, всецѣло живущій въ Богѣ—Спасителѣ! Только въ последнемъ случаѣ получится твердое и достойное ихъ рѣшеніе, въ которомъ христіанинъ руководствуется не земными соображеніями и не молвою свѣта, но свидѣтельствомъ своей облагодатствованной совѣсти, тѣмъ «умомъ Христовымъ», о которомъ пишетъ св. апостоль, и который безошибочно распознаетъ истинное и отмечаетъ лукавое.

Святая истина,—возразятъ намъ,—но вѣдь тоже производитъ само по себѣ и одно христіанское вѣроученіе. Однако такъ возражающій очевидно не знаетъ настоящей цѣны силъ личности. Какъ часто, особенно въ юношескомъ періодѣ жизни, соблазнитель въ человѣческомъ образѣ подступаетъ лично съ льстивыми рѣчами и со всякими соблазнами къ другому человѣку,—и куда пошли прочь всѣ заботливо взлѣлянныя правила жизни! И только личная близость отца и

матери или убѣдительно-твердое слово друга оживляютъ по-лузабытое правило и спасаютъ оболъщенного отъ рокового шага. Во сколько же разъ крѣпче должно быть вліяніе Того, Кто Самъ представлялъ Собою воплощеніе божественной благодати? Христіанское ученіе, особенно теперь, извѣстно— можно сказать— повсюду, но одно ученіе само по себѣ еще не въ состояніи возрастить во всей красѣ истинно-религіозную жизнь. Вѣдь это ученіе потому и называется христіанскимъ, что происходитъ отъ Самого Христа и заключаетъ въ себѣ Его силу. Поэтому, кто стремится къ высшему совершенству и хочетъ сохранить твердость въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, тотъ отъ дѣйствія долженъ восходить къ дѣйствующему и отъ абстрактныхъ понятій къ живому Лицу. Спасти это богочеловѣческое Лицо отъ всякихъ искаженій, приблизить Его возможно больше къ людямъ «прелюбодѣйнаго рода», избавить этихъ послѣднихъ отъ пагубнаго заблужденія, по которому личная близость есть будто бы только тѣлесная смежность, убѣдить ихъ въ непостоянствѣ и призрочности земного міра явленій, чтобы тѣмъ больше укрѣпить вѣру въ Того, Который обѣтовалъ пребывать съ нами «во вся дни до скончанія вѣка»,— задача эта несомнѣнно достопочтенна, особенно въ наше многмятущееся время.

Изъ такой вѣры во Христа произрастаетъ цѣлая христіанская вѣра со всѣми ея развѣтвленіями. Вѣра имѣетъ своимъ предметомъ Бога, Его ищетъ и Его обрѣтаетъ она. Что же касается вѣры во Христа, то она не только приводитъ къ вѣрѣ въ Бога, но и непосредственно есть эта самая вѣра. То несомнѣнно, что Христось для насъ служить высочайшимъ образомъ во всемъ, что только есть великаго и прекраснаго въ цѣломъ мірѣ; но этимъ еще не дается полного удовлетворенія нашему религіозному чувству, находящему успокоеніе только въ единомъ Богѣ. Въ томъ-то и состоитъ величайшее заблужденіе тѣхъ либеральныхъ богослововъ, которые, въ разсмотрѣніи значенія Христа, не простираются дальше идеала совершеннаго, хотя бы и соединеннаго съ Богомъ, человѣка—учителя о Богѣ и дѣлахъ Его. Какими привлекательными чертами ни изображали бы они указанное значеніе: религіозное чувство все-таки будетъ терзаться однимъ существеннымъ недостаткомъ. Подайте мнѣ, заявить оно, не ученіе только о Богѣ, но Самого Бога! Живописуйте

ми́ не челове́ка только, находящагося въ единеніи съ Богомъ, но покажите, какъ самъ я долженъ быть съ Нимъ въ единеніи. Это основное требованіе религіознаго чувства получить удовлетвореніе только тогда, когда явится разумѣніе, что въ такомъ Праведникѣ Самъ Богъ открывается людямъ. Когда въ зеркалѣ отражается солнце, лучи котораго достигаютъ наблюдающаго глаза, то мы говоримъ, что видимъ солнце. Такъ и когда мы познаемъ истину и любовь Христовы, то, правда, предъ нами истина и любовь челове́ка, однако столь непосредственно происходящія изъ его единства съ Богомъ, что мы одновременно познаемъ истину и любовь Божіи. Безпредѣльнаго, Вѣчнаго, Непостижимаго видимъ мы въ ясномъ зеркалѣ,—видимъ такъ, какъ вообще только могутъ видѣть Его люди. «Видѣвый Мене, видѣ Отца». Такъ во Христѣ мы обрѣтаемъ Бога ¹⁾.

1) По *O. Dreyer'y*, *Undogm. Christentum. Braunsch. 1888. s. 65—71.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Важность свидѣтельствъ Спасителя о Своей безгрѣшности и о божественномъ совершенствѣ.—Свидѣтельства евангелистовъ и Предтечи.—Несостоятельность критики.

«Таинство странное вижу и преславное» невольно признается каждый, внимательно всматривающійся въ необыкновенное Лицо Богочеловѣка. И, вотъ, начинается буря сомнѣній даже въ благочестивомъ созерцателѣ. Нашъ ветхій человѣкъ, не могущій еще окончательно отложить свою гордыню, вникая въ смыслъ высочайшаго ученія Н. Завѣта, поражаясь чудесами великаго Чудотворца и Его превосходствомъ надъ самыми великими изъ людей, никакъ не можетъ допустить мысли, что Иисусъ не человѣкъ только, но вмѣстѣ и Богъ, и оставивается на компромиссѣ: это величайшій изъ великихъ міра сего. За то нашъ новый человѣкъ порываетъ всякую связь съ позорнымъ компромиссомъ и, поборая тьму сомнѣній, приходитъ къ радостному исповѣданію Петрову: «Ты еси Христосъ, Сынъ Божій», т. е., второе Лицо Св. Троицы, воплотившійся насъ ради Богъ—Слово.

Какое радостное исповѣданіе! Но какъ, спрашивается, оправдать его, какъ удостовѣриться въ этой спасительной истинѣ когда отовсюду поднимается столько возраженій противъ нея, не только не умолкающихъ, но все болѣе и болѣе возвышающихъ голосъ особенно въ наши дни? Попробуемъ вкратцѣ отвѣтить на вопросы.

Прежде всего предъявляемъ нашимъ возражателямъ то положеніе, что изъ всего, подвергаемаго сомнѣнію, самымъ несомнѣннымъ служитъ человѣческое сознаніе и самосознаніе. Кому неизвѣстно, съ какою самоувѣренностью современная экспериментальная психологія виновность или невиновность

человѣка основывается на результатахъ освидѣтельствванія его умственныхъ способностей и, главнымъ образомъ, сознанія. Цѣну человѣческой личности назначаютъ, смотря по тому, что читаютъ въ ея самосознаніи.

Во Христѣ также было Свое самосознаніе, и разъ поднять вопросъ: «что вамъ мнится о Христѣ: чій есть Сынъ»?— естественно обратиться за рѣшеніемъ его къ самосознанію Самого Спасителя. Откуда, спрашивается прежде всего, возникло у Него сознаніе Своей безгрѣшности? Не изъ внѣшняго же міра Онъ добылъ его; и не въ грѣховности окружающихъ людей коренится оно. Какъ угодно можно идеализировать относительныя человѣческія совершенства, но и тысячекратное, хотя бы безчисленное множество разъ слагаемое одно съ другимъ условное и ограниченное, никогда не дастъ въ суммѣ безусловнаго и безпредѣльнаго. Мы знаемъ, какими гигантскими шагами шли къ своему возвеличенію, напримѣръ, Будда и Магометъ, однако ни тотъ, ни другой сами никогда не дерзали называть себя безгрѣшными въ томъ смыслѣ, въ какомъ сознавалъ и называлъ Себя Господь І. Христосъ. Извѣстны намъ и другіе многочисленныя примѣры святыхъ и героевъ изъ исторіи христіанской церкви, но ни одинъ святой и никто изъ самыхъ достославныхъ героевъ не можетъ выдержать даже и поверхностнаго сравненія со Христомъ, этимъ святымъ изъ святыхъ и подвигоположникомъ изъ всѣхъ героевъ. «Кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхѣхъ», спрашиваетъ Спаситель Своихъ враговъ, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣливается указать хотя бы на какой-либо дѣйствительный въ Немъ недостатокъ. Наоборотъ, посланные взять Іисуса слуги синедріона свидѣлствуютъ своимъ начальникамъ, что «николиже тако есть глаголахъ человѣкъ, яко сей человѣкъ» Іоан. VII, 46. Научая апостоловъ молиться, Христосъ начинаетъ молитву обращеніемъ къ Отцу небесному, Котораго всѣ вѣрующіе должны называть общимъ Отцомъ: «Отче нашъ», но Самъ Спаситель никогда не обращался къ Нему съ такимъ предикатомъ. Не возбраняя людямъ приближаться, въ качествѣ чадъ, къ ихъ небесному Отцу, Самъ Христосъ нисколько не поступаетъ Своимъ исключительнымъ богосыновствомъ и потому только Самъ, а никто другой, именуетъ Бога *Своимъ* Отцомъ,—въ исключительномъ Личномъ смыслѣ, въ какомъ Онъ говоритъ: «Азъ и Отецъ едино есма», или «Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ», «Отецъ Мой доселѣ дѣ-

лаеть, и Азь дѣлаю»... Научая, далѣе, въ той же молитвѣ апостоловъ просить у небеснаго Отца оставленія долговъ, т. е. грѣховъ, Самъ Христось никогда не обращался къ Богу Отцу съ такимъ моленіемъ. Повидимому, Геосиманская молитва была наиболѣе удобна для того, чтобы грядущій на вольную страсть за грѣхи міра Искупитель хотъ разъ въ теченіе Своей земной жизни употребилъ самый легкій намекъ на какое-либо Свое несовершенство и просилъ бы Отца о помилованіи. И, однако же, тщетно стала бы выслѣживать такой намекъ даже самая придирчивая критика. Наоборотъ, послѣдняя въ лицѣ, наприм., Ренана и Штрауса рѣшительно свидѣтельствуеть въ пользу ничѣмъ и никогда ненарушимой гармоніи внутренняго міра Христова ¹⁾. Не испрашивавшій Себѣ прощенія въ несуществующихъ грѣхахъ, Спаситель тѣмъ самымъ рѣшительно выдѣляетъ Себя изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ какъ родился, такъ жилъ и умеръ «не имый грѣха», «ниже обрѣтесе лествица во устѣхъ Его».

Самъ не имѣвшій грѣха, Онъ за то отпускаеть грѣхи другимъ, напримѣръ, тому разслабленному, котораго исцѣлилъ въ Капернаумѣ: «Чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои», или женщинѣ-грѣшницѣ, которой отпустилъ «грѣси ея мнози», или исцѣленному при овчей купѣли: «се здравъ еси: ктому не согрѣшай»... и молится о прощеніи людямъ ихъ согрѣшеній. Пришедшій даровать имъ жизнь и научить ихъ истинѣ, Онъ Самъ говоритъ о Себѣ: «Азь есмь путь, и истина и животь», и вѣру въ Себя называетъ условіемъ вѣчной жизни: «вѣруй въ Мя имать животь вѣчный».

Чтобы покончить непріятный счетъ съ такимъ, исполненнымъ необъятной силы и высочайшаго достоинства, самознаніемъ Христовымъ, критикѣ остается сдѣлать одно изъ привычныхъ ей *salto mortale*, т. е. объявить всѣ эти мѣста, свидѣтельствующія о Богочеловѣчествѣ Спасителя, подложными. Но спрашивается: кто же совершилъ подлогъ? Апостолы были для этого слишкомъ просты и неучены. Имъ ли, неученымъ рыбалямъ, пускаться въ такія научныя авантюры, на которыя способенъ далеко не всякій даже и изъ ученыхъ изслѣдователей? Если бы даже и взялись за него и блистательно исполнили его галилейскіе рыбаери, то въ такомъ случаѣ

¹⁾ См. о. *Евгенія* брош. „О Спасителѣ и о спасеніи“. Спб. 1899. Стр. 5—7.

имѣть свой *raison d'être* вопросъ: откуда галилеяне могли взять столь возвышенныя черты идеальнаго образа своего Учителя? Вѣдь апостолы были дѣти своего времени и раздѣляли съ своими соотечественниками нѣкоторыя земныя представленія о Мессіи! И вдругъ, подъ ихъ чудною кистью живописуется такой Христосъ, въ Которомъ нѣтъ даже и тѣни чувственнаго Мессіи — завоевателя, нѣтъ ничего временно-національнаго, узкаго и партійнаго, Который чуждъ всякихъ предвзятыхъ сужденій и человѣческихъ несовершенствъ! Это ужъ поистинѣ было бы *Deus ex machina!*

Сколько угодно можно штудировать Ветхій Завѣтъ съ цѣлью отыскать въ немъ элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію критики, апостолы или другіе новозавѣтные писатели якобы создали неподобный образъ Божественнаго Учителя: трудъ не увѣнчается успѣхомъ. Нѣтъ спору, что въ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, особенно у пророковъ, разсѣяны отдѣльныя черты Мессіанскаго Лица, но вопросъ, вѣдь, не въ нѣкоторыхъ только чертахъ, а въ изображеніи цѣлаго живаго Лица Богочеловѣка, — къ чему апостолы были рѣшительно неспособны.

Въ самомъ дѣлѣ, прочитайте Евангеліе, и вы воочию убѣдитесь, насколько Христосъ возвышался надъ самыми высокими изъ апостоловъ, чтобы не считать послѣднихъ способными къ идеализаціи якобы простаго человѣка въ Богочеловѣка. Вотъ, напримѣръ, первоверховный Петръ началъ «прерѣцати» своему Учителю въ разсужденіи искупительныхъ Его страданій и получаетъ достойное возмездіе въ словахъ Христовыхъ: «отойди отъ Меня, сатана» Мѡ. XVI, 22. 23. Сыновьямъ Зеведеевымъ, мать которыхъ просила Спасителя спосадить ихъ по правую и по лѣвую Его руку въ царствіи небесномъ, Онъ отвѣчаетъ: «не вѣста, чесо просита» Мѡ. XX, 22. По свидѣтельству Ев. Луки XXIV, 21. 22, апостолы вообще не разумѣли того, что Христу надлежало пострадать, и «слово крестное» «было закрыто отъ нихъ, такъ что они не постигали его». На горестныя разсужденія еммаусскихъ путниковъ Господь отвѣчаетъ также горестнымъ укоромъ: «о, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки» Лк. XXIV, 25. «Не ваше дѣло», замѣчаетъ Воскресшій Своимъ ученикамъ, «знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ во власти Своей» Дѣян. 1, 7.

«Отступи отъ меня, Господи», взываетъ послѣ обильнаго лова рыбы первоверховный апостоль къ необыкновенному Чудотворцу, «ибо я человекъ грѣшный» (Лк. V, 8). Другой апостоль, несчастный Иуда предатель, терзаемый укорами пробудившейся совѣсти, возвращаетъ первосвященникамъ сребренники со словами: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную... И, бросивъ сребренники, удавился» (Мѡ. XXVII, 4—5). Поразительное впечатлѣніе, производимое на людей святымъ Учителемъ, можно сказать, не оставляло ихъ ни днемъ, ни ночью и заставляло ихъ жить Его радостями, а еще болѣе Его скорбями. «Не дѣлай ничего Праведнику тому», умоляетъ язычница своего супруга, «потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него» (Мѡ. XXIII, 19), и самъ игемонъ, послѣ тщетныхъ усилій оправдать невиннаго Страдальца, нашель необходимымъ торжественно отречься отъ всякаго соучастія въ вопіющемъ злодѣяніи. Возливъ воду, онъ «умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: не виновенъ я въ крови Праведника сего» (—24). Распятый со Христомъ благоразумный разбойникъ, человекъ, не смотря, быть можетъ, на многочисленныя злодѣянія, вспомнившій о Богѣ въ часы своихъ ужасныхъ страданій (Лк. XXIII, 40), обращается теперь съ горячей молитвой не къ тому Богу, Котораго призывалъ до настоящаго времени, но въ униженномъ, осмѣянномъ и поруганномъ всѣми Страдальцѣ признаетъ воплощеннаго Искушителя-Бога: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Си» (—42). Озаренные Св. Духомъ галилейскіе рыбаки неустрашимо проповѣдали всему міру о Распятомъ Царѣ славы (Дѣян. I, 8), и еще изъ апостольскаго вѣка мы имѣемъ очень важное свидѣтельство проконсула Плинія о томъ, что современные ему христіане имѣли обыкновеніе на своихъ богослужебныхъ собраніяхъ пѣть гимнъ Христу, какъ Богу: *carmenque Christo, quasi Deo dicere* ¹⁾.

«Большій изъ рожденныхъ женами» Мѡ. XI, 11, *Св. Іоаннъ Предтеча*, «свидѣтельствуеетъ» объ Иисусѣ словами: «Сей былъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня» Іоан. I, 15. Видя грядущаго къ нему Иисуса, Предтеча говоритъ: «се, Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра»—29. «Я не зналъ Его; но для того пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ

¹⁾ О. *Евгені й*. О Спасителѣ и о спасеніи. Спб. 1899. Стр. 18.

явленъ былъ Израилю»—31. «Сей есть Сынъ Божій»—34.—
Требовать болѣе рѣшительнаго и болѣе яснаго свидѣтельства
о Божествѣ Спасителя, по сравненію съ приведеннымъ, невоз-
можно. Заподозрить его подлинность нѣтъ никакихъ достаточ-
ныхъ основаній, напротивъ, въ виду другихъ указаній изъ
Евангелія Мѡ. III; XI, 1—20; XXI, 32; Мр. I, 1—11; Лк.
III, 1—18; XX, 1—8 и мн. др., необходимо принять его
въ качествѣ драгоцѣннѣйшаго документа, имѣющаго очень
важное значеніе для нашей цѣли. Важный по существу дѣла
онъ важенъ еще и по своему происхожденію. Что бы взвѣ-
сить цѣнность послѣдняго обстоятельства, слѣдуетъ пом-
нить, что Іоаннъ, по свидѣтельству *Іосифа Флавія* ¹⁾, былъ
такой знаменитый проповѣдникъ, къ которому «многіе сте-
кались отовсюду и въ очень сильной степени—ἐπὶ πλεῖστον—
были возбуждены его проповѣдью; они не задумались бы все
исполнить по его совѣту». Предъ нравственнымъ величіемъ
Крестителя блѣднѣло политическое могущество тетрарха.
«Иродъ боялся Іоанна», по словамъ евангелиста, «зная, что
онъ мужъ праведный и святой» Мр. VI, 20. Не задолго до
Своихъ крестныхъ страданій Спаситель отражаетъ лукавое
совоприсничество Своихъ враговъ краткимъ вопросомъ о про-
исхожденіи Іоаннова крещенія,—и у нихъ мгновенно пропа-
даетъ прежняя рѣшимость схватить Господа Мѡ. XXI, 26.
Ἀγαθὸν ἄνδρα называетъ Предтечу іудейскій историкъ ²⁾, и,
какъ бы не желая отстать стъ послѣдняго, позднѣйшіе пи-
сатели титулуютъ пророка именемъ «великаго священника» ³⁾.

Пусть теперь каждый безпристрастный читатель судить,
основываясь на приведенныхъ данныхъ, о важности Іоаннова
свидѣтельства въ пользу Богочеловѣчества Христа-Спасителя,
а также подумаетъ и о выборѣ между двумя свидѣтелями:
Крестителемъ и Толстымъ. Довольно неожиданная и вмѣстѣ
происходящая изъ существа дѣла дилемма, выходъ изъ ко-
торой становится легкимъ и даже пріятнымъ, благодаря,
именно, сопоставленію «свѣтильника Свѣта» съ Его гасите-
лемъ, чтобы не выразиться сильнѣе въ виду апостольскаго
увѣщанія: «всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса
Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ
антихриста» 1 Іоан. IV, 3.

¹⁾ Ant. XVIII; 5, 2.

²⁾ I. Flav. Ant. XVIII; 5, 2.

³⁾ Flav. Op. ed. Havercamp. t. II. Suppl. p. 367.

Не будемъ умножать ссылокъ: довольно и приведенныхъ для совершеннаго убѣжденія въ непричастности Апостоловъ къ подозрѣваемой идеализаціи Лица Христа - Спасителя. На это нѣтъ ни историческихъ, ни психологическихъ данныхъ, и развѣ только для пустой забавы въ такомъ серьезномъ дѣлѣ кто-либо сталъ бы ссылаться на другихъ возможныхъ живописателей. Кто-же эти другіе? Мужики апостольскіе? Апологеты? Свв. Отцы и учителя церкви? Историки? Сколько угодно можно именовать мнимыхъ вкладчиковъ въ идеальное содержаніе Евангелія и, всетаки, ни разу не удается, по выше-приведеннымъ соображеніямъ, удостовѣрить дѣйствительность фантастической идеализаціи. Не споримъ: буддисты и мусульмане въ послѣдствіи времени навязали Буддѣ и Мухаммаду своего рода безгрѣшность. Но что это за извращеніе самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, что это за карриатура безгрѣшности, заднимъ числомъ приписанная къ счету безчисленныхъ прегрѣшеній религіозныхъ реформаторовъ! И въ какомъ вопіющемъ противорѣчій даже и такая безгрѣшность находится къ грѣховнымъ обликамъ упомянутыхъ лицъ! Вѣдь намъ дороги не произвольные вымыслы, а та историческая *правда*, та исторія, которая повѣствуетъ о дѣйствительно происшедшемъ, а не о какихъ-то мифахъ.

Если же ни апостолы и ни кто-либо иной не могли искусственно создать идеальный образъ Христа, если для этого нѣтъ никакихъ подходящихъ историческихъ аналогій, и если, далѣе, Самъ Христосъ, будь Онъ обыкновенный смертный, рѣшительно не могъ изъ несовершеннаго сдѣлаться безгрѣшнымъ, и въ Немъ, какъ не безгрѣшномъ, не могло родиться сознаніе Своей безгрѣшности и необыкновенной близости къ небесному Отцу, то мы стоимъ предъ слѣдующей альтернативой: Христосъ былъ или обманщикъ или Богочеловѣкъ. Первый исходъ рѣшительно невозможенъ въ силу несогласимости обмана съ поразительнымъ нравственнымъ совершенствомъ Христа; слѣдовательно, остается признать, что предъ нами не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ.

Послѣ этого сама себя изобличаетъ въ несостоятельности ссылка рационалистовъ всѣхъ направленій включительно до Толстого, на яко бы просто-человѣческое происхожденіе Христа. Очевидная нелѣпость этой ссылки усугубляется еще тѣмъ отвратительнымъ цинизмомъ, съ какимъ Л. Толстой, такъ сказать, вскрываетъ и распластываетъ тайну безмужнаго зачатія

и рожденія Спасителя. Въ „Соединеніи и переводѣ четырехъ Евангелій“ ¹⁾ Толстой выражается такъ: „была дѣвица Марія... Отъ нея-то и неизвѣстнаго отца родился мальчикъ“. Извѣстный вождь современнаго монизма, проф. Геккель, въ своемъ антихристіанскомъ сочиненіи «Die Welträthsel» ²⁾ однимъ почеркомъ пера повелѣваетъ неизвѣстному родителю именоваться «Іосифомъ Пандерой, римскимъ сотникомъ калабрійскаго легіона, стоявшаго въ Іудеѣ». Такъ „дѣлають исторію“ съ пошлою развязностью бульварныхъ гаеровъ, забывая о самыхъ первоначальныхъ правилахъ благопристойности. И хотя бы эта басня была оригинальна! Но въ ней нѣтъ даже и тѣни новизны, а только повторяется гнусная іудейская клевета на Христа, нашедшая себѣ мѣсто въ нападкахъ извѣстнаго Цельса, но за то и блестящее опроверженіе въ сочиненіи Оригена Contra Celsum ³⁾. Мы выше сказали о важности свидѣтельства самосознанія вообще и, объ исключительномъ значеніи, Богочеловѣческаго самосознанія Христа-Спасителя для правительнаго сужденія о достоинствѣ челоуѣка вообще и о божественномъ достоинствѣ Искупителя въ частности.

Въ нашъ вѣкъ эмпирическаго знанія ученые до того увеличиваютъ значеніе разсматриваемаго фактора, что даже обезьянѣ навязываютъ челоуѣческую родословную. Но вотъ и оборотная сторона медали. Предъ однимъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей сіяетъ, какъ солнце, богочеловѣческое самосознаніе, и, казалось бы, стоило подумать объ этомъ изъ ряда вонъ выходящемъ явленіи, стоило оцѣнить его, что бы не пробавляться низменнымъ вымысломъ іудеевъ, этихъ заклятыхъ христоненавистниковъ. Но, видно, одно говоритъ логика мысли, а другое творится въ дѣйствительной жизни, — Христу, наперекоръ всякимъ научнымъ даннымъ и здравому смыслу и, какъ бы на зло исторіи, нашли родителя... какого-то безчестнаго авантюриста-легіонера. Поистинѣ, сбылось пророческое: «родъ же Его кто исповѣсть» Ис. LIII, 8.

Спросимъ теперь самихъ себя: имѣемъ-ли мы достаточное основаніе считать взглядъ Толстого на Христа нелѣпостью и вѣрвать во Христа, какъ въ едиnorodнаго Сына Божія? Утвердительное «да» съ нашей стороны, думается,

¹⁾ Изданіе Элпидина. Т. I. Genève. 1892. Стр. 43.

²⁾ Bonn. 1900. 5-te Aufl. S. 378.

³⁾ Lib. I, c. 32. См. также Baur'a Kirchengeschichte. 3-tte Ausg. Tübing. 1863. S. 385.

будеть единственно правильнымъ отвѣтомъ на вопросы, и что бы ни говорили отрицатели, мы съ чистой совѣстью и съ разумными доводами должны и будемъ непоколебимо исповѣдывать догматъ Христова Богочеловѣчества: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ мѣръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ!»! Посл. ко св. прич. Мол. 12.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О чудесахъ Христовыхъ.—Церковь и ея необходимость для спасенія.—
Разборъ возраженіи гр. Толстого.

Если Христось есть не только человекъ, но и Богъ, то само собою понятно, что этимъ обстоятельствомъ уже напередъ предрѣшается въ теистическомъ смыслѣ вопросъ о *чудесахъ*. Они не только возможны и необходимы, но и дѣйствительны. Совершавшіяся Христомъ во время Его земной жизни, они совершаются и теперь какъ въ цѣломъ мірѣ, такъ и въ микрокосмѣ каждаго изъ насъ. Не то удивительно, что Христось творить чудеса, но то было бы неудобопостижимо и непріемлемо, если бы Онъ не творилъ чудесъ. Стремясь объяснить все сущее изъ дѣйствующихъ причинъ, естествоиспытатели воображаютъ, что обойдутся безъ чудесъ. И, дѣйствительно, гдѣ дѣло касается религіи, тамъ противники ратуютъ противъ чудесъ. А, между тѣмъ, сами же сплошь и рядомъ легко вѣрно допускаютъ рядъ одно другого необычайнѣйшихъ и неразумнѣйшихъ чудесъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое вѣчное движеніе атомовъ, что такое самопроизвольное зарожденіе, выдѣленіе изъ мозга мысли, что представляютъ собою самые атомы, какъ не своего рода чудо чудесъ? И замѣчательное явленіе! Въ послѣднемъ случаѣ наука ни слова противъ чудесъ. Почему? Да они ей нужны, безъ нихъ она исчезнетъ съ лица земли. Но если наукѣ, доступной только аристократіи человечества, такъ необходимы чудеса — неосновательныя гипотезы, нѣкоторыя изъ которыхъ блестяще отвергнуты, наприм., Дю-Буа-Реймономъ, Вирховымъ, Шёле-

ромъ, Штейде, Данилевскимъ и др.¹⁾ защитниками безпристрастнаго знанія, то что же сказать о необходимости *истинныхъ* чудесъ для науки всѣхъ наукъ — для христіанской жизни, по существу своему являющейся уже чудомъ, ибо сами мы, по природѣ, — «чада гнѣва Божія», и, если дѣлаемся чадами любви, то благодаря только чудеснымъ дѣйствіемъ спасающей благодати. Чѣмъ же и великъ былъ бы геній, если бы онъ творилъ одно заурядное? Что же поистинѣ Божьяго было бы и во Христѣ, если бы Онъ не совершалъ дѣлъ, превосходящихъ самый геніальный умъ и самыя смѣлыя ожиданія? Но Сынъ Божій «доселѣ дѣлаеть», и однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ Его является созданіе Имъ христіанской *церкви*: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей» Мѡ. XVI, 18. Замѣчательно обстоятельство! Христось изрекаетъ обътованіе о церкви вслѣдъ за Петровымъ исповѣданіемъ Его, какъ Сына Бога живаго, и этимъ самымъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Церковь *необходима* для правильнаго исповѣданія Бога (ибо кто отвергаетъ Сына, тотъ отвергаетъ и Пославшаго Его) и что, слѣдовательно, она не есть случайное явленіе. Да и какъ допустить случайность или произволь въ бытіи такого великаго, всему міру извѣстнаго и лучшаго изъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ учреждений, какимъ служить христіанская Церковь? Даже въ сферѣ естественныхъ отношеній совсѣмъ не случайнымъ является существованіе сель съ городами и цѣлыхъ государствъ. Люди *по природѣ* предрасположены къ общественной совмѣстной жизни, ибо только соединенными силами могутъ достигать значительныхъ успѣховъ своихъ предпріятій. Противъ этого возражать невозможно; такова аксіома человѣческой жизни. Притомъ, чѣмъ выше развитіе людей, тѣмъ больше въ нихъ и сознаніе своей солидарности, такъ — что послѣднимъ можно безошибочно измѣрять культурный ростъ народовъ и обществъ. Но если люди такъ нужны одинъ другому въ житейскихъ отношеніяхъ, когда дѣло касается преходящихъ благъ, то какъ же имъ не испытывать нужды во взаимообщеніи, какъ не проникнуться истинно-родственными чувствами и не составить

¹⁾ Du Bois-Reymond. Ueber die Grenzen des Naturerkenntens. Die Sieben Welträthsel. Zwei Vorträge. Leipz. 1898. — Schoeler. Probleme. Kritische Studien über den Monismus. Leipz. 1900. — Steude. Die monistische Weltanschauung. Gütersloh. 1898.

братства, когда дѣло касается не временнаго, а вѣчнаго божества или страданія? Совершенно превратна, пагубна и рѣшительно враждебна христіанской религіи мысль Толстого, будто каждый долженъ спасаться одинъ, самъ по себѣ, а церковь — только задерживаетъ нормальный ростъ вѣры. Совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на дѣло Христосъ. По Своемъ воскресеніи Онъ „собиравалъ“ апостоловъ вмѣстѣ и Онъ же повелѣлъ имъ не идти съ проповѣдью, а предварительно «не отлучаться изъ Іерусалима» Дѣян. I, 4, и они «при наступленіи дня Пятидесятницы всѣ были единодушно *вмѣстѣ*» Дѣян. II, 1. Это совмѣстное ихъ находженіе—отнюдь не случайный, а такой знаменательный фактъ, который рѣшительно свидѣтельствуетъ о необходимости христіанской церкви для роста нашей вѣры и для нашего спасенія. Вотъ почему и въ кондакѣ Пятидесятницы воспѣвается: «егда снизшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній; егда же огненные языки раздающе, *въ соединеніе* вся призва» — едва ли «съ коммерческою цѣлью», которая гдѣ-то мерещится одному изъ авторовъ страннаго письма, недавно появившагося въ одномъ изъ почтенныхъ нашихъ духовныхъ журналовъ ¹⁾. Спаситель есть воплощенная любовь, такъ какъ «Богъ любви есть» по словамъ Ев. Іоанна (I, IV. 16), а любовь не терпитъ религіознаго эгоизма, но стремится къ взаимообщенію, ибо только посредствомъ него она находитъ свое полное выраженіе. Христосъ принесъ на землю полное откровеніе о Богѣ, совершенную вѣру въ милостиваго небеснаго Отца; но можетъ ли увѣровавшій таить только въ себѣ самомъ сокровище вѣры, благовѣстіе о спасеніи *всѣхъ* людей, и скорѣе не уподобиться ли онъ приточной женщицѣ, которая, нашедъ потерянную драхму, созываетъ своихъ подружекъ и сосѣдей и говоритъ имъ: «радуется со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую»? Лк. XV, 9. Такъ, уже по существу христіанскаго откровенія и душевнаго устроенія человѣка, церковь является наиболѣе благопріятной почвой, въ которой возвращается зерно христіанской вѣры. Не даромъ Спаситель обѣщаль Свое пребываніе именно тамъ, «гдѣ двое или трое собрались во имя Его» Мѡ. XVIII, 20.

¹⁾ «*Вѣра и разумъ*». 1091 г. № 8: «Два характ. письма, присланныхъ Преосв. Амвросію, Арх. Харьковскому».

Подобно тому, какъ въ обыкновенныхъ обществахъ люди нуждаются одинъ въ другомъ, такъ и въ церкви Христовой одинъ восполняется другимъ и, въ свою очередь, служить другому, — вѣрующіе подлинно носятъ «тяготы другъ друга» Гал. VI, 2. Известно апостольское уподобленіе церкви чело-вѣческому тѣлу, состоящему изъ различныхъ членовъ, имѣющихъ — каждый въ отдѣльности — опредѣленное назначеніе — служить на общую и затѣмъ уже на свою частную пользу. «Ибо какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже дѣло: такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены» Рим. XII, 4, 5. «Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не нужна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія» 1 Кор. XII, 21—23. Не даромъ сами толстовцы — отрицатели церкви соединенными силами пропагандируютъ свое ученіе и успѣхъ своего религіознаго дѣла обезпечиваютъ устройствомъ жизни на общинныхъ началахъ. Что это такое, какъ не свидѣтельство естественной чело-вѣческой души въ пользу бытія церкви? Подлинно, *anima naturaliter christiana*. И что такое представляютъ собою эти забавныя колоніи толстовцевъ, какъ не своего рода церкви, хотя, къ сожалѣнію только «церкви лукавнующихъ»? Пс. XXV, 5.

Подобно многочисленнымъ своимъ предшественникамъ, Толстой возстаетъ противъ христіанской церкви, смѣемъ думать, по крайнему недоразумѣнію. Это послѣднее состоитъ въ столь обычномъ смѣшеніи эмпирической стороны предмета съ идеальной. Видятъ люди нѣкоторое разногласіе между означенными сторонами и протестуя противъ, напимѣръ, злоупотребленій и нестроеній въ церкви, отрицаютъ и необходимость самой церкви. Не логичность такихъ сужденій сама себя изобличаетъ. Разсуждать такъ значитъ отрицать необходимость огня, потому что отъ неумѣлаго обращенія съ нимъ происходятъ пожары; — необходимость лѣкарствъ, въ виду частыхъ случаевъ отравленія ими; необходимость науки, такъ какъ многіе употребляютъ знанія во зло и т. д. Но *abusus non tollit usum*. И если бы всѣ усвоили себѣ толстовскую логику, то, думается, христіанская церковь давнымъ давно исчезла бы съ лица земли, можетъ быть, ее упразднили бы

сами же непосредственные ученики Христовы, при жизни которых уже начались нѣкоторыя нестроенія въ церкви, о чемъ и читаемъ въ ап. посланіяхъ, напр. Іак. IV, 1; 1 Іо. IV, 1; 1 Кор. XV, 34; Гал. III, 1 и др. Но неложно Христово обѣтованіе: «врата адова не одолѣють ей» Мѡ. XVI, 18. Эмпирическая дѣйствительность можетъ быть мрачна, какъ темная ночь; страшные ураганы, сколько угодно, могутъ обуревать св. церковь; какіе угодно сильные «полки чужихъ» могутъ нападать на нее, и, все-таки, она пребудетъ непоколебимою и не тронутую въ своей сущности. Господь Богъ попускаетъ врагу нашего спасенія колебать церковь въ ея историческомъ проявленіи и какъ бы говоритъ ему словами кн. Іова I, 12: «вотъ она въ рукѣ твоей», внѣшняго ея касайся, но дальше не преjdeши. Мы выражаемъ только голосъ церковнаго сознанія, древняго, какъ сама христіанская церковь, сильно заявляющаго себя, напримѣръ, въ слѣд. словахъ Св. Теофила епископа Антиохійскаго: «Подобно тому, какъ въ морѣ находятся обитаемые, изобилующіе здоровою водою и плодоносные острова, имѣющіе пристани и гавани для того, чтобы обуреваемые находили въ нихъ пристанище: такъ Богъ даровалъ волнующемуся и обуреваемому грѣхами міру синагоги, т. е. святыя церкви, въ которыхъ, какъ бы въ благоустроенныхъ пристаняхъ на островахъ, сохраняются ученія истины. Къ нимъ прибѣгаютъ хотящіе спастись, возлюбившіе истину и желающіе избѣжать гнѣва и суда Божія» ¹⁾).

¹⁾ Ad Autol. II, n. 4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ученіе Христа объ общественной молитвѣ и о шестой Заповѣди.—
Заблужденіе гр. Толстого.

«Я дѣйствительно отрекся отъ Церкви», заявляетъ гр. Толстой въ своемъ «Отвѣтѣ» на постановленіе Св. Синода. Но «прежде чѣмъ отречься отъ Церкви и единенія съ народомъ..., теоретически я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи церкви...; практически же строго слѣдовалъ въ продолженіе болѣе года всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія» ¹⁾.

Первое положеніе Толстого ясно, какъ солнце. Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что онъ «отрекся отъ Церкви». Но мотивы отреченія графа очень слабы. Особенно поражаетъ этотъ «болѣе года» продолжавшійся практической искусъ графа. Невольно подумаешь: какая насмѣшка надъ дѣломъ—ссылаться на такой краткій срокъ испытанія челоуѣку, долгіе годы коснѣющему въ своихъ мудрованіяхъ! Другіе чуть не цѣлую жизнь терпѣливо борятся съ обуревающими ихъ сомнѣніями, невыразимо тяжело страдаютъ, непрестанно плачутъ о грѣхахъ и молятъ Бога объ ихъ прощеніи,—и все-таки, не отступаютъ отъ Церкви, этой, по словамъ св. Кипріана, «непорочной и стыдливой невѣсты Христовой» ²⁾, укрѣпляемые

¹⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля 1901 г. и на полученныя имъ по этому поводу письма. 2-е приложеніе къ № 13 «Свободной мысли». Изд. Р. Birukoff. Onex près Genève, p. 5.

²⁾ *Cypr. Opp. recogn. et illustr. per I. Oxon. ep. Oxon. 1682. f. 109.*

свыше обѣтованіемъ: «побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни» Апок. II, 7. Такъ, наприм., бл. Иеронимъ съ потрясающимъ краснорѣчіемъ описываетъ свои аскетическіе подвиги въ сирійской пустынѣ, гдѣ онъ былъ *Scorpionum tantum socius et ferasum* и гдѣ дни и ночи напролетъ проводилъ въ слезныхъ молитвахъ, борясь съ своею природою, пока не вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы ¹⁾. А подвиги Антонія Великаго, съ неподражаемымъ драматизмомъ описанные Флореромъ? А полная лишений жизнь Павла Оувейскаго, Иларіона и Пахомія и другихъ многочисленныхъ подвижниковъ? Что иное представляютъ ихъ «Житія», какъ не обличеніе измѣны Толстого «практическому слѣдованію» предписаніямъ Церкви? ²⁾. Въ другихъ случаяхъ тотъ же человѣкъ съ неистощимой энергіей преслѣдуетъ свои цѣли. Но вотъ дѣло коснулось религіи, — и по истеченіи какого-нибудь года времени истощаются силы. Именно «оскудѣша крѣпцы вавилонстіи, еже ратовати» Іер. LI, 30.

Что касается заявленія графа о томъ, что онъ «перечиталъ все» объ ученіи церкви, то замѣтимъ прежде всего одно, что графъ Толстой не читалъ, какъ слѣдуетъ, самаго главнаго, а, именно, Евангелія, иначе онъ не утверждалъ бы, наприм., того, будто «общественная молитва прямо запрещена Христомъ» ³⁾. Будь дѣйствительно запрещена Христомъ такая молитва, то Онъ не преподалъ апостоламъ слѣдующаго наставленія: «истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго, ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ» Мѣ. XVIII, 19—20. «Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ» Іо. XVI, 23. Рѣчь идетъ, очевидно, объ общественной молитвѣ, ибо обращена къ апостоламъ, собраннымъ на тайной вечери. «Молитесь», говоритъ Спаситель въ Геосиманіи апостоламъ, «что бы не впасть въ искушеніе» Лк. XXII, 40. Не сказалъ Господь: разойдитесь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ геосиманскаго сада, и тамъ каждый изъ васъ, т. е. апостоловъ, пусть мо-

¹⁾ *Hieron. ep. 18. ad Eustoch.*

²⁾ См. прекрасн. выдержку изъ творен. «неложн. свидѣтеля» въ «Богосл. акад. Читеніяхъ» Прѣосв. Іоанна, стр. 244—245.

³⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постан. Син. стр. 15.

лится, какъ ему заблагоразсудится. Нѣтъ, смыслъ Христовыхъ словъ ясенъ: молитесь вмѣстѣ всѣ, сколько васъ есть, увѣщаетъ Онъ апостоловъ не къ частной, но къ общественной молитвѣ. Преподавая имъ образецъ молитвы — «Отче нашъ», — Господь предполагаетъ не иное, какъ именно общественное моленіе, равно и ученики просили Его: «научи насъ молиться». «Онъ сказалъ имъ: когда молитесь, говорите: Отче нашъ «сущій на небесахъ» Лк XI, 1—2: Едва ли умственному взору апостоловъ и Самого Христа при этомъ представлялись двѣнадцать камеръ, въ каждой изъ которыхъ находившійся молитвенникъ, «затворивъ дверь свою» Мѡ. VI, 6, уединенно читаль прошенія чудной молитвы.

Справедливо пишетъ объ этомъ св. Кипріанъ Карфагенскій: «Учитель мира и Наставникъ единства не хотѣлъ того, чтобы молитва совершалась въ одиночествѣ и частно, такъ, чтобы каждый, когда молится, молился бы только за себя. Ибо мы говоримъ: „Отче мой, Иже еси на небесѣхъ“, и не говоримъ: „хлѣбъ мой даждь ми днесь“; каждый изъ насъ не проситъ объ оставленіи только своего долга, не молится объ одномъ себѣ, чтобы не быть введеннымъ въ искушеніе и избавиться отъ лукаваго. У насъ всенародная и общая молитва, и, когда мы молимся, то молимся не за одного, но за весь народъ, потому — что мы, весь народъ, составляемъ одно» ¹⁾.

Гдѣ же спрашивается въ Евангеліи дано указаніе объ этой «общественной, прямо запрещенной Христомъ, молитвѣ»? Въ VI, 5—13 Евангелія отъ Матѳея. Въ Мѡ. VI, 5—13 Спаситель только наставляетъ вѣрующихъ насчетъ частной молитвы, лучше всѣхъ насъ, конечно, предвидя такіе случаи, когда каждый изъ вѣрующихъ можетъ быть поставленъ въ невозможность присутствовать за общей молитвой. Но преподавать наставленіе насчетъ частной молитвы совсѣмъ еще не означаетъ запрещенія молитвы общественной. Изъ того, что школьникъ можетъ заниматься и дома вѣдь не вытекаетъ требованіе касательно закрытія школь. Частнымъ отнюдь не отвергается общее, какъ, наоборотъ, общимъ не отрицается, а предполагается частное. Одно нужно другому.

Толстой не хочетъ знать этого раздѣленія, а потому и допустилъ крупную передержку въ толкованіи еще другого

¹⁾ *Cypr. De orat. Dom. f. 141.*

мѣста изъ Нагорной проповѣди насчетъ шестой заповѣди Мѡ. V, 21, 22. Прежде чѣмъ давать новозавѣтное толкованіе синайской заповѣди, а также въ вышеуказанномъ интересѣ разграниченія между частнымъ и общимъ, обратимся ко времени синайскаго законодательства. Какъ извѣстно, заповѣди десятизаконія Моисей получилъ, такъ сказать, изъ рукъ Самого Іеговы Исх. XX, 21 и, стало быть, лучше всякихъ законниковъ и критиковъ разумѣлъ ихъ смыслъ и, въ особенности, требованіе шестой заповѣди: «Не убій» Исх. XX, 13. И что же видимъ потомъ? Самъ же Моисей, этотъ человѣкъ «Кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ» Числ. XII, 3, именемъ Господнимъ повелѣваетъ, наприм., *побить камнями* одного «человѣка, собиравшаго дрова въ день субботы» Числ. XV, 32, 36. Самъ же Моисей слышитъ повелѣніе Іеговы: «враждайте съ Мадіанитянами и *поражайте ихъ*» Числ. XXV, 17. Какимъ образомъ «кротчайшій» вождь израильтянъ, вопреки, повидимому, прямого запрещенія убивать, даетъ такое повелѣніе народу: «вооружите изъ себя людей на войну, чтобы они пошли противъ Мадіанитянъ»? Числ. XXXI, 3. Одно изъ двухъ: или Моисей искажилъ смыслъ заповѣди, — что по всѣмъ соображеніямъ невозможно, — или ее нужно толковать не по герменевтикѣ Толстого. Думается, что послѣдняя не можетъ назваться «Здравою». — Далѣе. Въ числѣ тысячъ кающихся на берегахъ Іордана были и воины. «Что намъ дѣлать»? спрашивали они у Предтечи. Естественно было бы ожидать такого отъ него отвѣта: «не воюйте, а передѣлайте мечи на орала», тѣмъ болѣе, что послѣдній совѣтъ преподаетъ цитируемый самимъ Крестителемъ, хотя и по другому случаю, пророкъ Исаія II, 4. Между тѣмъ Креститель увѣщаетъ воиновъ «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своимъ жалованьемъ» Лк. III, 14, — опять увѣщаніе совсѣмъ не въ духѣ Толстого.

Если мы возьмемъ тотъ же предметъ въ болѣе широкомъ масштабѣ, то, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нѣмецкихъ теологовъ, «мы встрѣтимся здѣсь (рѣчь идетъ о правѣ и о судахъ) съ двумя различными воззрѣніями. Одно — въ послѣднее время его защищаютъ особенно лейпцигскій проф. Зомъ¹⁾, соприкасающійся съ Толстымъ — учить, что духов-

¹⁾ *Sohm*, Kirchenrecht. Bd. 1. Die geschichtl. Grundlagen. 1892.

ный міръ по своему существу находится въ противорѣчїи съ сущностью права; правовые порядки возникли въ церкви въ противоположность къ Евангелію и основывающейся на немъ общинѣ. Зомъ зашелъ такъ далеко, что въ своемъ обзорѣ древнѣйшаго развитія церкви отмѣчаетъ своего рода грѣхопаденіе христіанства съ того момента, когда оно приняло въ себя правовыя учрежденія. Впрочемъ Зомъ оставилъ право неприкосновеннымъ въ своей области. За то Толстой во имя Евангелія все право сводитъ къ нулю. Онъ учитъ, что, по требованію высочайшей евангельской заповѣди, никогда не слѣдуетъ отстаивать свое право, и что никто, даже и сама власть, не долженъ оказывать виѣшнее противленіе злу». Оставляя въ сторонѣ своего нѣмецкаго коллегу, цитируемый теологъ такъ подходитъ къ опроверженію Толстого. «Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ угнетенные и бѣдные въ израильскомъ народѣ взывали о своемъ правѣ. Въ пророческихъ словахъ, а также и въ моленіяхъ псалмопѣвца еще и теперь мы слышимъ этотъ раздирающій вопль, котораго въ то время не слышали. Тогда не существовало такого правового порядка, который не состоялъ бы подъ властью всемогущихъ тирановъ и не былъ бы ими извращаемъ по произволу и въ своекорыстныхъ видахъ. Поэтому, говоря о правовыхъ установленіяхъ, объ исполненіи законовъ и объ отношеніи къ нимъ Иисуса, мы не должны мгновенно переноситься къ нашимъ правовымъ отношеніямъ, возросшимъ отчасти на христіанской почвѣ. Иисусъ находился въ такомъ народѣ, большая половина поколѣній котораго тщетно требовала своего права, а если и вѣдала его, то развѣ только въ видѣ насилія. Въ такой націи неизбѣжно должно было родиться отчаяніе въ существованіи права вообще;—отчаяніе какъ въ отношеніи возможности получить удовлетвореніе праву на землѣ, такъ—въ обратномъ направленіи—и въ разсужденіи нравственной позволительности права. Отголосокъ такого настроенія можно слышать и въ Евангеліи. Но—это второе, и служить коррективомъ упомянутаго настроенія: Иисусъ, а съ Нимъ и всѣ истинно-благочестивые, былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что правду творитъ въ концѣ концовъ Самъ Богъ. Если Онъ не творитъ ее здѣсь, то творитъ тамъ, и это самое главное. Въ такомъ контекстѣ идея права въ смыслѣ праведнаго возмездія является въ очахъ Иисуса не такою, которую должно отвергнуть, но высокою и домини-

рующею идеею. Она есть функція величія Божія. Въ какой степени она видоизмѣняется Его милосердіемъ, объ этомъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Слѣдовательно, совершенно невѣрно предполагать, будто Иисусъ пренебрежительно отзывался о правѣ, какъ таковомъ, и о правосудіи. Наоборотъ, всякому должно воздаться свое и, даже еще болѣе: ученики Христовы сами со временемъ будутъ участвовать въ судѣ Божіемъ и судить міръ. Только такое право, поскольку оно проводилось насиліемъ и потому оказывалось несправедливостью, право, которое—въ видѣ тиранническаго и кроваваго рока—тяготѣло подъ народомъ, устранилъ Онъ. Но въ истинное право Онъ вѣрилъ и былъ увѣренъ въ томъ, что оно найдетъ себѣ осуществленіе; Онъ такъ сильно былъ въ этомъ увѣренъ, что не допускалъ мысли, будто право должно прибѣгать къ помощи насилія, чтобы оставаться правомъ.

Это приводитъ насъ къ послѣднему слову. Мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ Христовыхъ изреченій, въ которыхъ Онъ увѣщаль Своихъ учениковъ отречься отъ всякаго требованія права и, такимъ образомъ, отказаться отъ своего права. «Не противься злему. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Здѣсь, повидимому, выставляется такое требованіе, которымъ осуждается право и расторгается правовая жизнь... Противъ этого необходимо замѣтить слѣдующее: 1) Иисусъ, какъ мы видѣли, былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Богъ творитъ судъ и правду; слѣдовательно, напослѣдокъ побѣдитъ не насильникъ, но угнетенный будетъ оправданъ; 2) земныя права сами по себѣ — маловажное дѣло; потерять ихъ не значитъ потерпѣть большое лишеніе; 3) обстоятельства настолько прискорбны, несправедливость такъ усилилась на землѣ, что притѣсняемый не можетъ добиться правды, хотя бы и пытался сдѣлать это; 4) — и это самое главное,—какъ Богъ производитъ судъ вмѣстѣ съ милостью и повелѣваетъ Своему солнцу восходить надъ злыми и благими, такъ и ученикъ Христовъ долженъ относиться къ своимъ врагамъ съ любовью и обезоруживать ихъ кротостью. Таковы мысли, лежащія въ основѣ вышеприведенныхъ изреченій и поясняющія ихъ смыслъ. Теперь, содержащееся въ нихъ требованіе есть ли подлинно настолько премірное, не-

возможное? Не наставляемъ ли мы даже и въ кругу семьи и друзей нашихъ присныхъ поступать, именно, такъ и не воздавать зломъ за зло и поношеніемъ за поношеніе? Какая семья, какой союзъ можетъ состоять, если бы каждый захотѣлъ преслѣдовать здѣсь только свое право, если бы онъ не научился отказаться отъ него даже и при посягательствахъ? Иисусъ смотритъ на Своихъ учениковъ, какъ на дружескій кружокъ, а дальше, за границами его, видитъ уже братскій союзъ, имѣющій со временемъ оформиться и расшириться. Но должно ли и въ виду врага, во всѣхъ случаяхъ, отказаться отъ преслѣдованія своего права, слѣдуетъ ли прибѣгать исключительно къ орудію кротости? Должно ли начальство не наказывать и вмѣстѣ исчезнуть съ лица земли? Должны ли народы махнуть рукой на защиту собственности въ случаѣ вражескаго нападенія и проч.? Я осмѣливаюсь утверждать», замѣчаетъ берлинскій теологъ, «что Иисусъ, произнося тѣ слова, совсѣмъ и не думалъ о такихъ случаяхъ, и что растяженіе ихъ въ этомъ направленіи свидѣтельствуешь о грубомъ и опасномъ недомысліи: Иисусъ всегда имѣетъ въ виду только отдѣльное лицо и настроеніе сердца въ любви. А что такого настроенія будто не можетъ родиться въ случаѣ преслѣдованія своего права, при добросовѣстномъ судовореніи и при серьезномъ наложеніи наказанія,—это предразсудокъ, въ подтвержденіе котораго тщетно ссылаются на букву Христовыхъ изреченій, хотя послѣднія и не претендуютъ быть закономъ, слѣдовательно, юридическими установленіями. Къ этому необходимо прибавить слѣдующее въ интересахъ сохраненія высоты евангельскаго требованія: Христовъ ученикъ долженъ быть въ состояніи отказаться отъ преслѣдованія своего права и долженъ содѣйствовать образованію такого братства, въ которомъ право уже осуществляется болѣе не насиліемъ, но свободнымъ подчиненіемъ благу, и которое соединено узами не правовыхъ установленій, но служеніемъ въ любви» ¹⁾.

По своему существу право—не субъективное только понятіе, не продуктъ человѣческаго измышленія, не дѣло сво-

¹⁾ Das Wesen des Christentums von A. Harnack. 2-te Aufl. Leipzig 1900. S. 68—71.

боднаго произволенія или договора. Наоборотъ, какими бы великими полномочіями ни были снабжены государственные мужи въ устроеніи правовыхъ порядковъ, все-таки первые сознають, что нельзя допускать произволъ въ послѣднихъ и, насколько можно, необходимо дѣйствующее позитивное право сообразовать съ разумною идеею права. Что послѣдняя происходитъ не изъ случайнаго опыта, это ясно видно изъ того, что сознаніе правды и неправды бываетъ наиболѣе сильнымъ не въ томъ случаѣ, когда жизнь течетъ въ предѣлахъ законности, но именно тогда, когда она противорѣчитъ правдѣ. Всякому договору непремѣнно предшествуетъ объективное право, обязывающее стороны сохранять договоръ. Также и въ отношеніи исполнительнаго судопроизводства—не въ его власти судить или не судить подлежащій ему предметъ, но въ принудительной правовой необходимости. Такимъ образомъ, право имѣетъ и объективную сторону, посредствомъ которой оно подчиняетъ себѣ человѣка, а не человѣкъ господствуетъ надъ правомъ. При болѣе внимательномъ проникновеніи въ идею права, не трудно убѣдиться въ томъ, что оно относится къ вѣчнымъ истинамъ, подобно логикѣ и математикѣ, имѣющимъ свою основу въ Богѣ, какъ о томъ и пишетъ Псалмопѣвецъ LXXXVIII, 15: «правосудіе и правота—основаніе престола Твоего». Поэтому и въ эллинской религіи Δίκη имѣетъ отцомъ Зевса и возсѣдаетъ, въ качествѣ охранительницы, на его тронѣ.

Наоборотъ, если право не будетъ возглашаться съ высоты Божьяго престола, то оно окажется только обманчивымъ призракомъ. Несомнѣнно, что богатое содержаніе права раскрывается въ запутанныхъ отношеніяхъ свѣта и въ обществѣ юридическихъ лицъ. Но самое раскрытіе обусловлено напередъ данною, прирожденною каждому смертному, идеею права. Очевидно, послѣдняя существуетъ ранѣе усвояющихъ ее лицъ. Поэтому, не какъ нѣчто только полезное, прикладное къ жизни, но, прежде всего, какъ нѣчто полноцѣнное и необходимое само въ себѣ, право имѣетъ свою первооснову въ Самомъ Богѣ. Подъ этимъ небомъ, въ земныхъ царствахъ и у народовъ, существуетъ правосудіе только потому, что на небѣ существуетъ высочайшее Божественное правосудіе. Къ сожалѣнію очень немногіе вырастаютъ до требуемой существомъ дѣла высоты юридическаго сознанія; подчасъ и сами

судьи напоминают приточнаго «неправеднаго» судью Лк. XVIII, 1, 2 и дают повод къ справедливымъ жалобамъ потерпѣвшихъ. Но опять-таки несправедливо неудовлетворительной дѣйствительности приносить въ жертву самую идею права, и еще болѣе несправедливо Самого Христа называть соучастникомъ человѣческаго недомыслія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О таинствахъ.—Ихъ необходимость для спасенія.—Крещеніе младенцевъ.—Разборъ возраженій Толстого.

Не различая между эмпирическою и идеальною сторонами въ Церкви и не имѣя никакой потребности въ церковной жизни, Толстой роковымъ образомъ пришелъ и къ отрипанію таинствъ. Слѣдуетъ помнить, что, подобно Слову Божію, и св. таинства даны Церкви и только въ ней имѣютъ смыслъ и значеніе, а для внѣшнихъ они, по выраженію Толстого, служатъ только «низменнымъ» и «грубымъ колдовствомъ»¹⁾. Иначе и быть не можетъ. Постраемся напередъ привести нѣкоторые соображенія для оправданія нашей православной вѣры въ церковныя таинства.

Когда мы, православные, разсуждаемъ объ истинной жизни,—объ искупленіи и спасеніи,—то условіемъ ея возникновенія и раскрытія считаемъ вселеніе Духа Божія въ наши сердца и во всѣ наши душевныя способности. Разумъ, чувство, воля, память, воображеніе—всѣ эти силы и способности отдаются нами на служеніе Богу. Теперь спросимъ: по какимъ путямъ и каналамъ внѣшнія впечатлѣнія входятъ въ нашу душевную жизнь? Какъ возбуждается отъ дремоты нашъ разумокъ, какъ приводится въ движеніе наша воля? Отвѣтъ: тѣми органами, посредствомъ которыхъ душа находится въ связи съ окружающимъ ее міромъ, а именно посредствомъ органовъ чувственнаго воспріятія, особенно же посредствомъ двухъ высшихъ органовъ: *зрѣнія* и *слуха*. Какъ невѣрно было бы, если бы мы сказали, что человѣческій духъ самъ черезъ двери чувственнаго воспріятія входитъ въ

¹⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановл. Синода. Стр. 9.

человѣка, въ которомъ прежде не былъ, такъ необходимо признать, что посредствомъ впечатлѣній, производимыхъ въ немъ пятью чувствами, особенно же зрѣніемъ и слухомъ, человѣческій духъ пробуждается отъ дремоты, а затѣмъ раскрываетъ и совершаетъ свои способности. Другими словами: духовная жизнь, въ силу творенія и промышленія разлитая кругомъ человѣка, — проявляется ли она въ образѣ человѣческихъ личностей, или же въ различныхъ естественныхъ явленіяхъ, — можетъ воздѣйствовать на человѣческій духъ не иначе, какъ только посредствомъ чувствъ, особенно же зрѣнія и слуха. И вотъ къ этому-то, при самомъ твореніи установленному порядку вещей, примыкаетъ и новотвореніе, благодатное возсозданіе человѣка Св. Духомъ: и Св. Духъ, аналогично съ естественною душевною жизнью, чтобы вселиться въ человѣка, стремится къ своему обиталищу богоположеннымъ путемъ, посредствомъ тѣлесныхъ органовъ чувствъ. Въ томъ именно и заключается глубочайшее оправданіе *тѣлесности*, долженствующей быть, по ученію Слова Божія и по первоначальному устроенію Божію, отнюдь не стѣсненіемъ или оковами духа, но важнѣйшимъ орудіемъ его общенія съ цѣлымъ, внѣ его находящимся, міромъ.

Если же Богъ изволитъ обусловить дѣйствіе Своего Духа на человѣческій духъ посредствомъ тѣлеснаго зрѣнія, слуха, вкуса, ощущенія, то ясно, что для этой цѣли Онъ непременно соединитъ Свой Духъ съ тѣлесными, видимыми, слышимыми, чувствуемыми и дѣйствующими на вкусъ предметами; и ту самую видимую природу, какъ она, по самому сотворенію своему, заключаетъ въ себѣ естественную духовную жизнь, такъ въ силу искупленія содѣлаетъ носительницей и *святой* духовной жизни. Это и творитъ Богъ, присоединяя по своему благодатному устроенію дѣйствіе Своего Духа, съ одной стороны, къ *слышимому слову*, а, съ другой, — къ *видимому, чувствуемому* и даже *вкусомъ* осязаемому *таинству*. Такъ, слово и таинство являются новозавѣтными благодатными средствами. Такимъ образомъ, и земная природа, хотя и не въ своей цѣлокупности, однако въ опредѣленныхъ видахъ: воды, хлѣба, вина, голоса и при извѣстныхъ условіяхъ возносится въ сферу благодатнаго дѣйствія Божія; и природа привлекается въ тотъ кругъ, въ которомъ дѣйствуютъ благодатныя силы, и потому становится почтенною не на мгновеніе только и не только потому, что представляется твореніемъ Божіимъ, но и потому,

что здѣсь дается ручательство нѣкогда имѣющаго существовать всецѣло напоеннаго и озареннаго Святымъ Духомъ, прославленнаго міра небесной тѣлесности.

Сообщеніе благодати посредствомъ таинствъ — этихъ видимыхъ проводниковъ ея — поразительно; но оно было бы совершенно непостижимо, если бы благодать сообщалась намъ безъ всякаго посредства. Примемъ во вниманіе то обстоятельство, что благодать не бываетъ нашимъ достояніемъ, какъ похоть грѣховная, безъ нашего вѣдома, противъ нашей воли, но для этого съ нашей стороны нужно соотвѣтствіе благодати. А чтобы имѣло мѣсто такое соотвѣтствіе для этого требуются предварительныя условія и со стороны Бога, — такія, которыя приготовляли бы насъ къ принятію благодати, и, съ нашей стороны, такія, которыя свидѣтельствовали бы о нашей готовности покоряться ей. И, дѣйствительно, благодать въ таинствахъ какъ бы выходитъ навстрѣчу человѣку, вызывая его къ принятію ея даровъ, а человѣкъ отвѣчаетъ на этотъ призывъ своею вѣрой и вѣрностью. Съ той и съ другой стороны необходимо тѣмъ болѣе употребленіе подлежащихъ чувствамъ средствъ, что отъ человѣка требуется возможное соотвѣтствіе таинственному божественному общенію.

Таинство *крещенія* есть дверь въ христіанскую Церковь. Подобно многимъ своимъ предшественникамъ, Толстой отвергаетъ крещеніе дѣтей. «Въ крещеніи младенцевъ», пишетъ графъ въ своемъ «Отвѣтѣ» Св. Синоду, «вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть крещеніе для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство» ¹⁾. Что касается Св. Писанія, то мы должны сознаться, что въ немъ нѣтъ такого мѣста, въ которомъ было бы ясно сказано: «крестите младенцевъ». Но за то въ Писаніи нѣтъ и запрещенія крестить ихъ. Въ словахъ Ев. Мѣ. XXVIII, 19: «шедше научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа», можетъ показаться на первый взглядъ, какъ будто содержится повелѣніе научить народы прежде, чѣмъ крестить ихъ, и, въ такомъ случаѣ, конечно, исключается младенческое крещеніе. Но въ подлинномъ текстѣ приведенное мѣсто читается нѣсколько иначе: «дѣлайте всѣ народы Моими учениками ²⁾», крестяще ихъ... и учаще содержать все, что Я

¹⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановл. Синода. Стр. 9.

²⁾ μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη.

заповѣдалъ вамъ». Здѣсь, слѣдовательно, дано повелѣніе апостоламъ—пріобрѣтать народы въ число учениковъ Христовыхъ и пользоваться для этого двумя средствами: крещеніемъ и ученіемъ. Если, такимъ образомъ, придавать особое значеніе порядку, въ какомъ здѣсь перечисляются различныя установленія, то разбираемое мѣсто свидѣтельствуешь не противъ, а *въ пользу* крещенія дѣтей, такъ какъ на первомъ мѣстѣ поставлено крещеніе, а наученіе — на второмъ. Въ Д. Ап. довольно такихъ мѣсть, въ которыхъ говорится о крещеніи цѣлыхъ семействъ XVI, 15, 33; XVIII, 8; ср. I Кор. I, 16. Но особаго вниманія заслуживаетъ Дѣян. гл. VIII, ст. 9—13. Здѣсь говорится о томъ, какъ Симону Магу внимали въ Самаріи «всѣ, отъ *малаго* до большого», а затѣмъ, «когда повѣрили Филиппу..., то крестились и мужчины и женщины». Справедливо думать, что какъ въ крещенныхъ семействахъ находились вмѣстѣ съ взрослыми и дѣти, такъ и въ Самаріи отъ руки Филиппа крестились и тѣ «малые», которые дотолѣ «внимали» Симону.—Толстой беретъ интеллектуальную мѣрку, опредѣляющую достоинство человѣка, хотящаго принять христіанскую вѣру, и ошибается. Что малыя дѣти не понимаютъ крещенія, пусть такъ; но много ли смыслятъ они о царствѣ Божіемъ? И, однако, его обѣтоваль имъ Самъ Христосъ Мр. X, 15, 16; Лк. IX, 47, 48. Когда же собственно начинается пониманіе предметовъ вѣры? Кто осмѣлится провести грань между двумя различными состояніями? Да и что такое представляетъ собою такъ называемое взрослое пониманіе? Слава Богу, дарующему намъ «не мѣрою» Своего Духа Іо. III, 34, иначе мы никогда не достигли бы мѣры возраста совершенна. Слава Богу, что, какъ любящая мать не дожидается умственнаго развитія своего дитяти, но сообщаетъ ему заранѣе отъ полноты сердца, что надо, такъ и Онъ не ждетъ съ Своими дарами возраста нашей разумности, но учреждаетъ его, такъ что, когда пробуждается нашъ умъ, мы уже оказываемся счастливыми обладателями небесныхъ благъ. Во всемъ, даруемомъ и производимомъ въ крещеніи, нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть заложено въ дѣтской душѣ. Вселеніе Христа—что препятствуетъ самому нѣжному возрасту быть причастникомъ его? Почему въ виноградникѣ Божіемъ, вмѣстѣ съ рослыми лозами, не могутъ произростать и зеленые побѣги? Прощеніе грѣховъ—почему оно не должно быть положено, какъ драго-

цѣнный даръ, въ дѣтскую колыбель, особенно, если принять въ соображеніе прирожденную человѣку склонность къ злу, имѣющую и въ ребенкѣ съ теченіемъ времени приносить ядовитые плоды? Обязательство къ борьбѣ съ грѣхомъ — почему и оно не должно быть дѣтскимъ достояніемъ, чтобы, съ возрастомъ и въ пору искушеній, неофитъ усвоилъ себѣ данное обязательство? Что же касается сообщенія Духа, то, разумѣется, благодатные дары иначе сообщаются взрослому, иначе младенцу. Послѣдній получаетъ ихъ въ видѣ сѣмени или залога, и задача христіанскаго воспитанія состоитъ въ возрастаніи благодатнаго сѣмени, въ приумноженіи залога.

«*Восьми дней отъ рожденія* да будетъ обрѣзанъ у васъ въ роды ваши всякій младенецъ мужскаго пола» заповѣдалъ Самъ Господь Аврааму, поставляя Свой Завѣтъ между Собою и праотцемъ. Обрѣзаніе служило знакомъ принадлежности праотца съ потомками къ народу Божію Быт. XVII, 12. Нужно ли говорить о томъ, что, съ точки зрѣнія нашихъ возражателей, обрѣзаніе несмысленныхъ младенцевъ — также преступная профанация обряда; а, между тѣмъ, по суду Божію, «необрѣзанный», т. е. осмодневный младенецъ (равно и «купленный», рабъ), — «истребится душа та изъ народа своего» ст. 14. — Еще болѣе знаменательное — въ другомъ родѣ — мѣсто находится въ книгѣ Іисуса Нав. IX, 34, 35: «и прочиталъ *Іисусъ* всѣ слова закона... предъ всѣмъ собраніемъ Израиля: предъ мужами и женами *и дѣтьми* и пришельцами, находившимися среди нихъ». Опять несообразность съ толстовской точки зрѣнія! Очевидно, Толстой и его союзники не правы, и Церковь можетъ только сказать имъ словами пророка: «не суть бо совѣти мои якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши путіе мои» Иса. LV, 8.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Объ евхаристіи.—Изъясненіе словъ Спасителя при ея установленіи.—
Плоды причащенія.—Разборъ возраженій гр. Толстого.—Заключеніе.

Разсуждая въ одномъ своемъ письмѣ о тайной вечери, покойный А. С. Хомяковъ спрашиваетъ: «знаютъ ли люди, что такое тѣло по отношенію къ разуму? Невѣжды и слѣпцы,—ужели думаютъ они, что такъ какъ они сами рабствуютъ своей плоти, то и Христу нельзя не быть рабомъ вещественныхъ стихій? Тотъ, кому вся предана суть Отцемъ его, Тотъ, Кто есть Господь всяческихъ, не есть ли Господь и Своего тѣла? И не силенъ ли Онъ сотворить, что всякая вещь, не измѣняя нисколько своей физической субстанціи, станетъ этимъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое за насъ страдало и проливало кровь Свою на Крестѣ» ¹⁾? Эта выдержка изъ твореній Хомякова имѣетъ отношеніе и къ графу Толстому. Въ самомъ дѣлѣ, когда Спаситель многократно говоритъ о принятіи Его ученія, Толстой ничего не возражаетъ противъ этого. Когда же читаетъ въ Евангеліи о принятіи тѣла и крови Христовыхъ.—то начинаетъ злословить и кощунствовать. Очевидно, причина негодованія графа заключается въ невозможности, по его мнѣнію, пресуществленія хлѣба и вина въ пречистое тѣло и кровь Христовы и принятія ихъ вѣрующими.

Почему же невозможно пресуществленіе—объ этомъ графъ молчитъ, если только не принимать къ свѣдѣнію его ничего не объясняющихъ словъ: «въ причащеніи вижу обоготвореніе

¹⁾ А. С. Хомяковъ. Полн. собр. сочин. т. II. Изд. 3. Москва. 1886. стр. 134.

плоти и извращеніе христіанскаго ученія» ¹⁾). Если графъ *приписываетъ* обоготвореніе Христовой плоти, то для насъ, въ виду вышесказаннаго о Спасителѣ, какъ о *Богочеловѣкѣ*, смущеніе Толстого является опозданнымъ. Если же графъ «видитъ» обоготвореніе плоти *причащающихся* евхаристіи, то получаетъ достойное возмездіе въ извѣстныхъ словахъ: «видяще узрите, и не увидите» Ис. VI, 9, потому что *причащающиеся* не обоготворяются, а только «тѣснѣйшимъ образомъ соединяются съ Самимъ І. Христомъ, и въ Немъ становятся причастными вѣчной жизни» ²⁾ не душою только, но и тѣломъ. Если бы евхаристія «питала одинъ духъ, а не имѣла питательной силы и для тѣла, то она не только не могла бы вполне поддерживать нашей духовной также, какъ и тѣлесной жизни вмѣстѣ, но и не могло бы имѣть совершенныхъ дѣйствій для одного духа: духъ имѣлъ бы жизнь не полную и не совершенно развитую и крѣпкую, потому что тѣло—его необходимый сочленъ въ существѣ человѣка, его необходимое орудіе и органъ, оставалось бы безъ пищи, а, слѣдовательно, безъ жизни: неизбежное тѣлесное разрушеніе пресѣкало бы все развитіе духовной жизни. И, наоборотъ, пища чувственная, питательная только для тѣла и неимѣющая силы для духа, — давала бы человѣку ложную жизнь, возвращая одно тѣло, тогда какъ духъ незримо умиралъ бы среди видимо цвѣтущей жизни тѣла. Итакъ, человѣческому существу здѣсь, на землѣ, нужна пища духовно-чувственная. Такая пища и предлагается въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ» ³⁾).

Евангелистъ Матей XXVI, 26 — 7 такъ повѣствуетъ о тайной вечери: «ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите, ядите, сіе *есть* тѣло Мое. И пріемъ чашу, хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси. Сія бо *есть* кровь Моя новаго Завѣта, яже за многія изливаема, во оставленіе грѣховъ» Лк. XXII, 19: «сіе творите въ Мое воспоминаніе». Въ установленіи евхаристіи Христосъ далъ обѣтъ совершеннаго послушанія Богу Отцу и — даже до смерти — любви къ грѣшнымъ людямъ. Увѣщевая «сіе творить въ Его воспоминаніе», Христосъ выражаетъ ту мысль, что евхаристія не *есть*

¹⁾ Отвѣтъ, стр. 9.

²⁾ Простр. хр. катихиз.: «О причащеніи».

³⁾ *Іоаннъ Преосв.* Богословск. академич. чтенія. Спб. 1897. Стр. 254.

только торжественное воспоминаніе о Немъ, *Умершемъ*, но воспоминаніе также и единенія съ Нимъ, воскресшимъ, вознесшимся и сѣдящимъ одесную Отца. Это праздникъ христіанскаго упованія и чаянія втораго славнаго пришествія Судии живыхъ и мертвыхъ. «Сіе *творите* въ Мое воспоминаніе». Не сказалъ: благовѣствуйте о томъ, что сдѣлалъ Я для васъ, но: творите то, что Я теперъ творю. Этими словами Онъ заповѣдалъ, что празднованіе должно быть точнымъ и живымъ подобіемъ всего, сдѣланнаго Имъ въ ту священную ночь. Его благодаренію должно уподобляться наше благодареніе, Его преданности волѣ Отца должна соотвѣтствовать преданность церкви той же волѣ. Какъ онъ преломилъ хлѣбъ и благословилъ его съ чашею, такъ поступать должны и Его слуги, о чемъ и пишетъ апостоль 1 Кор. X, 16. Такъ евхаристія есть вмѣстѣ и жертва и общеніе, въ основѣ которыхъ находится истинное и дѣйствительное пресуществленіе хлѣба и вина въ истое тѣло и кровь Христовы.

Почему же мы понимаемъ слова: «сіе *есть* тѣло Мое» въ буквальному ихъ смыслѣ? Тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ выраженіе: «есть» употребляется въ смыслѣ: «означаетъ», напр.: «поле *есть* мѣръ» Мс. XIII, 38, т. е. означаетъ мѣръ. Отвѣтъ: въ притчѣ дѣло обстоитъ такъ; а здѣсь предъ нами развѣ притча? Господь передаетъ *завѣщаніе* Своимъ ученикамъ. Разбираемые слова суть слова завѣта, и, слѣдовательно, должны быть понимаемы буквально и въ собственномъ смыслѣ, а не символически. Допустимъ, кто-либо въ своей предсмертной волѣ завѣщаетъ своему другу имѣніе, а душеприкащики поднесли бы наслѣднику вмѣсто имѣнія только изображеніе послѣдняго: разумѣется, наслѣдникъ не обрадовался бы тому, что картина «означаетъ» имѣніе. Завѣщаніе не притча. Завѣщатель не шутитъ словами, и понимать ихъ нужно въ подлинномъ смыслѣ. Такъ обстоитъ дѣло и съ разсматриваемыми словами: «сіе *есть* тѣло Мое» и пр. Равнымъ образомъ, когда, послѣ преподаннаго Спасителемъ ученія о хлѣбѣ жизни, «многіе изъ учениковъ отошли отъ Него» Іо. VI, 66, стоило Учителю только сказать, что Онъ говорилъ символически, и отшедшіе возвратились бы. Однако, такого комментирования не послѣдовало: «Сынъ Божій и не былъ „да“ и „нѣтъ“; но въ Немъ было „да“» 2 Кор. I, 19. Или заподозрить подлинность евангельскихъ и ап. Павла свидѣтельствъ насчетъ установленія евхаристіи? Но это значило

бы потворствовать противонаучнымъ капризамъ, особенно здѣсь неумѣстнымъ. Названныя свидѣтельства принадлежатъ «къ древнѣйшему и къ несомнѣннѣйшему изъ всего того, что предано намъ изъ Его (Христовыхъ) устъ» ¹⁾.

Если, наконецъ, Толстой смущается выраженіями: «тѣло» и «кровь», то совершенно напрасно. Ибо «что такое тѣло Христа прославленнаго, какъ не Его *проявленіе*? Такимъ образомъ, Церковь, радостная и признательная, знаетъ, что Спаситель ея даровалъ ей и не только общеніе духа, но и *общеніе проявленія*, и человѣкъ, рабъ плоти, вещественнымъ дѣйствиємъ претворяетъ себѣ вещество, которымъ облачается Христось силою дѣйствія духовнаго» ²⁾.

Толстой—не первый мученикъ сомнѣній насчетъ евхаристіи. Еще Несторій, въ силу своего лжеученія о лицѣ Христа, логически пришелъ къ отрицанію евхаристіиной жертвы. «Безкровный Агнецъ», по ученію Несторія, «не заключаетъ въ Себѣ ничего особеннаго... кромѣ того, что мы возвѣщаемъ смерть *человѣка* и празднуемъ память подобнаго намъ» ³⁾. «Мы не вкушаемъ», отвѣчаетъ на это св. Кирилль Александріскій, «такъ, какъ бы мы поядали Божество, но мы вкушаемъ собственную плоть Логоса, которая сдѣлалась животворящею, поелику есть плоть Того, Который живетъ въ Отцѣ. И такъ какъ тѣло Логоса сдѣлалось животворящимъ, поелику Онъ сдѣлалъ его Своимъ собственнымъ посредствомъ соединенія, превосходящаго всякія наши понятія, то и мы, которые приобщаемся Его плоти и крови, оживотворимся, такъ какъ Логось теперь обитаетъ въ насъ не только Божествомъ, посредствомъ Св. Духа, но также и по человѣчеству, посредствомъ Своей св. плоти и честной крови» ⁴⁾. Выражаясь словами св. І. Златоуста, въ евхаристіи предлагается вѣрующимъ *τὸ φάρμακον τὸ καθολικόν* ⁵⁾.

Итакъ, евхаристія есть всеобъемлющее и всецѣлительное «*лѣкарство*», какъ и гласить о томъ церковная молитва: «якоже быти причащающимся, во трезвѣніе души, во оставленіе грѣховъ, въ приобщеніи Святаго Твоего Духа, во исполненіе царствія небснаго, въ дерзновеніе еже къ Тебѣ, не въ

¹⁾ *Beyschlag*. Das Leben Iesu. Halle. 1885. I-ter Th. s. 187.

²⁾ *А. С. Хомяковъ*, стр. 134.

³⁾ Сур. Alex. Adv. Nest. IV. с. 6 Migne LXXVI. (p. 200).

⁴⁾ *Ibid.* с. 5, (p. 192).

⁵⁾ *Chrys* In. ep. I ad Cor. hom. XXIX. Opp. ed. Montf. X. p. 307.

судь, или во осужденіе» ¹⁾. Обыкновенно никто и ничего страннаго не находятъ въ томъ, когда врачъ предписываетъ больному принимать подчасъ горьчайшее лѣкарство. Наоборотъ, не потерявшій умъ больной просить дать ему послѣднее, правильно употребляетъ его и находятъ это совершенно въ порядкѣ вещей. Цѣлые курсы читаются по фармакодинамикѣ, и никому не приходится въ голову недоумѣвать или сомнѣваться по этому поводу, хотя было бы о чемъ задуматься и здѣсь, а именно: о терапевтическомъ или динамическомъ дѣйстви лѣкарствъ, о химическихъ соединеніяхъ, объ органическихъ, производимыхъ послѣдними, процессахъ, о преобладаніи однихъ надъ другими и пр. Наука, вѣдь, не простирается дальше подведенія подлежащихъ ей явленій подъ извѣстныя формулы, а на вопросы: почему это, именно, средство дѣйствуетъ такъ, а другое иначе? — она хранитъ упорное молчаніе. И опять-таки никто не находить страннымъ такое молчаніе. Зато какъ только тѣже лица начнутъ трактовать христіанскія таинства, такъ готовы всѣхъ христіанъ привязать къ позорному столбу. Непослѣдовательность непростительная и требовательность неосновательная. Кто бы ни былъ изслѣдователь божественныхъ тайнъ, всякій долженъ помнить объ ограниченности человѣческаго разума и приложить къ нему слова изъ книги Іова XXXVIII, 11: «до сего дойдеши и не преjdeши».

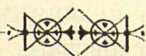
Минувъ другія частности толстовскаго лжеученія, заключимъ свой бѣглый разборъ крайнимъ сожалѣніемъ объ отсутствіи культурности и богословскаго образованія въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ лицахъ, выступившихъ добровольцами-защитниками графа Толстого. Какой прекрасный подался поводъ серьезно высказаться по жгучимъ религіознымъ вопросамъ, какіе широкіе горизонты открывались для философской мысли, какая вопіющая нужда заявляла о спокойномъ обсужденіи дѣла! И что же мы увидѣли? Да ничего дѣльнаго, кромѣ оскорбительныхъ басенъ и памфлетовъ, направленныхъ по адресу духовной власти, и съ тонкимъ расчетомъ на нравственную разнузданность и грубые вкусы толпы. Своего рода шедевромъ «обличительной проповѣди» на духовенство является второе письмо какого-то неизвѣст-

¹⁾ Лит. Св. I. Злат. Молитва по пресуществленіи.

наго ¹⁾ автора, на склонѣ старческихъ дней исповѣдующаго непримиримую ненависть къ православной церкви ея слушателями.

Не далеко подвинемся мы впередъ, если и впредь будемъ относиться къ серьезнымъ предметамъ съ преступнымъ легкомысліемъ и съ невѣжественнымъ предубѣжденіемъ, воображая, что мы «богаты и ни въ чемъ не нуждаемся», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы «несчастливы, и жалки, и нищи, и слѣпы и паги» Апок. III, 17. Полезно было бы вникнуть въ это назиданіе и тому, кто заявляетъ о себѣ слѣдующими стоическими словами: «я спокойно и радостно приближаюсь къ смерти» ²⁾. Судя по «Отвѣту», графъ Левъ Николаевичъ Толстой долженъ былъ бы выразиться о себѣ совсѣмъ иначе, а лучше всего извѣстнымъ четверостишіемъ своего однофамильца графа Алексѣя Константиновича Толстого ³⁾:

„Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
„И душа собою вѣчно недовольна;
„Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
„И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно“.

¹⁾ Т. е. такого автора, съ именемъ и фамиліей котораго у литературы нѣтъ никакихъ связей. «Вѣра и раз.» 1901. № 8.

²⁾ Л. Толст. Отвѣтъ... Стр. 16.

³⁾ А. К. Толстой. Сочин. Спб. 1886. т. I, стр. 263.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страницы.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
8	14 св.	вѣса	вѣса,
11	18 сн.	дѣйствіяхъ	дѣйствіяхъ,
12	15 св.	которое,	которое
21	14 сн.	искусствѣ, объ	искусствѣ,—объ
—	10 —	этой, исполненной	этой Богочеловѣческой жизни, исполненной
29	10 св.	смыслѣ	смыслѣ
—	9 сн.	истинѣ	истинѣ,
30	1 св.	основывается	основывается
—	2 —	сознанія	сознанія?
—	14	другимъ	другимъ,
—	—	ограниченное,	ограниченное
34	2	требовать	требовать
—	9	дѣла	дѣла,
—	16 сн.	священника.	священника».
35	10 св.	удается	удается
36	5	Welträthsel	Welträthsel
—	16	и,	и
—	17	значеніи,	значеніи
41	3 —	возраженіи	возраженій
—	9	теперь	теперь,
—	17	легко вѣрно	легковѣрно
—	4 сн.	но	но,
—	2	отвергнуты	опровергнуты
42	6 св.	дѣйствіемъ	дѣйствіямъ
—	7	благодати	благодати?
—	14	замѣчательно	замѣчательное
—	32	но	но,
43	1	божества	блаженства

<i>Страницы.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
	19	страннаго	нелѣпаго
	24	заимообщенію	взаимообщенію
	29	уподобиться	уподобится
	2 сн.	1091	1901
44	20 св.	что это	что́-же это
	24	къ сожалѣнію	къ сожалѣвію,
	31	и	и,
	33	не логичность	нелогичность
45	9	нее, и, все-таки,	нее,—и, всетаки,
	10	не тронутую	нетронутую
50	24	преподалъ	преподалъ бы
51	17	мы говоримъ:	мы не говоримъ:
	25	Гдѣ же спрашивается	Гдѣ же, спрашивается,
	27	Матѳея. Въ	Матѳея? Но въ
	5 сн.	наоборотъ, общимъ	наоборотъ, и общимъ
52	14 св.	слышать	слышитъ
	13 св.	самимъ	самимъ же
54	7	со временемъ	современемъ
	11	подъ	надъ
	13	себѣ	свое
55	9 св.	со временемъ	современемъ
57	5	и	а
61	11	постраемся	постараемся
62	5	совершаетъ	усовершенствуетъ
64	9 сн.	учреждаетъ	упреждаетъ
65	28 св.	не правы	неправы
70	14	могло	могла
	28 и 30	пріемъ	пріемъ
	36	увѣщевая	увѣщавая
71	22	обстоятъ такъ	обстоятъ, дѣйствительно, такъ
	38	Божій и не	Божій не
	3 сн.	было „да“	было только „да“
72	9 св.	ей и не	ей не
	35	пріобщеніи	пріобщеніе
74	2	церкви ея	церкви съ ея

2007041627